

An artistic illustration of a young man and a young woman. The man, on the left, has dark, curly hair and is looking slightly to the left. The woman, on the right, has dark hair with bangs and is looking directly at the viewer. They are both wearing dark clothing. The background is a dark, moody green with some lighter, hazy areas.

ОКСАНА ОСА

НА РАССВЕТЕ
НАС ДВОЕ

18+

Оксана Оса

На рассвете нас двое

<https://litres.ru/73942619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твои картины могут оживать? А твоя кровь – стать краской?

Мадлиф – студентка Высшей Школы Творцов, где учат оживлять рисунки. Ее мир – это давление семьи, жесткая критика профессоров и скорбь по умершей бабушке, которая вдохновила Мад на выбор профессии Творца. Отчаявшись доказать свою состоятельность, Мад совершает немыслимое: создает проект, используя в качестве красок собственную кровь.

Ее поступок шокирует всех. Ей грозит исключение, но вместо этого открывается правда, скрытая веками. С помощью верных друзей, загадочного Криса и призрака-наставника ей предстоит восстановить справедливость, научиться не просто оживлять рисунки, а творить новую реальность.

Оксана Оса

На рассвете нас двое

-1-

– Это слишком плоско, чтобы стать живым, – профессор Илия, круглолицый невысокий мужчина в красной мантии, ходил между мольбертами десятков студентов, комментировал наши работы и почти все время морщился. – Проучились почти год, а все еще не можете передать объем обыкновенного кресла.

Он не обращался к кому-то конкретному, но смотрел на девушку справа от меня. При этом его слова повисли над всеми, делая нас никчемными художниками. Я слышала шумный выдох: в обезличенной толпе оставалось пространство для надежды, а значит, и для каждого студента Высшей Школы Творцов. Все продолжили работать.

Профессор повернул голову в мою сторону и застыл.

– Я не уверен, что вы пройдете весенние смотры, Мадлиф.

Я вздрогнула всем телом, услышав свое имя, и рука с карандашом дернулась. В тени кресла появилась полоса тьмы. Слева от меня Роза ойкнула.

– Да, вам не хватает контраста в работах. Взгляните на себя – вы ведь полны контрастов.

Я не знала, куда спрятать глаза, и продолжала пялиться на полосу, изуродовавшую аккуратную тень кресла. Щеки го-

рели.

На самом деле, профессор был прав. Моя бледная, почти белая кожа резко контрастировала с черными глазами и волосами. А черная форма первокурсников так и кричала, что нам пора окунуться в тень и найти там формы и объемы. Мы все стремились к свету – белым одеждам старшекурсников – забывая о том, из каких темных глубин художники достают свои настоящие шедевры.

Профессор Илия прошел дальше, а мы с Рози переглянулись. Ее яркие серьги и колечки мягко засияли в утреннем свете. По сравнению со мной, ахроматичной и тихой, Рози была настоящим источником цвета и энергии: рыжие кудри сияли ярче солнца в нашей пасмурной столице. И всегда напоминали мне о закатах на южном море, где осталась моя семья.

– Ну ты хотя бы не расплакалась, как я, – шепнула мне подруга.

– Так занятие еще продолжается.

Мы обе понимали, что впереди еще два часа усилий над карандашным рисунком. Такие трехчасовые забеги с утра – обычная практика для художников, чтобы отточить владение графитными карандашами. Иногда мы делали быстрые эскизы, улавливая форму легкими штрихами. Такой блиц нравился мне больше, чем многочасовые усилия над одним черно-белым предметом, как сегодня. Но дисциплина в Школе ценилась больше, чем легкость творения с Музами. Потому

что это было самым действенным средством, чтобы научиться оживлять наши рисунки.

Высшая Школа Творцов – место, где учатся и работают сотни художников на благо Королевства Амфион. Именно здесь каждый, кто хочет творить и наполнять мир созданными им предметами, учится магии Оживления. Именно в стенах гигантских лабораторий производится все, что нужно Королевству: от мебели и одежды до техники и транспорта.

– Хотите сказать, что это кривое потрепанное кресло достойно оживления, Кайли? – профессор нашел новую жертву в нескольких метрах от нас. Девушка попыталась оправдаться: не всем ведь хочется сидеть в креслах, достойных королевской резиденции, и многим людям нужны простые вещи, несимпатичные и с историей.

– Художники творят то, что требует Создатель! Вас здесь учат работать на благо Королевства, а не своих фантазий! Никому не нужны кресла в заплатках и с выцветшей обивкой!

Мне было жаль Кайли – она не помещалась в рамки и навязанные образы. Я услышала, как она шмыгнула носом и начала возить резинкой по бумаге, стирая свой творческий порыв. Порой мне казалось, что нас здесь специально ломают и заставляют забыть о детских рисунках, с которыми каждый из нас приехал в Школу со всех уголков Королевства. Нам позволили оставить по пять самых дорогих работ, а остальное пришлось сжечь. Мне до сих пор было больно вспоми-

нать, как горели тысячи эскизов в тот первый день. Здесь изменяют нас и делают правильными, послушными, точными до каждой линии.

Но ведь и магия не любит некачественных работ. Первокурсников пугают историями о том, как превращались в щепки столы, которые они рисовали по несколько дней. Все потому, что художники либо не передали плотность, либо перестарались с центром тяжести. Хотя причин могло быть куда больше – первокурсников постепенно посвящали в теорию. Главной задачей первого курса было научиться реалистично рисовать предметы в черно-белом варианте и в цвете. А о дыхании жизни, которому учат последующие шесть лет, нам до весенних смотров знать не положено.

Я вернулась к своему креслу. Очень редко я брала самый мягкий карандаш, но сейчас, видимо, настало его время. Только он и сможет скрыть ошибку. Немного сняла насыщенность линии липкой резинкой и начала углублять тени. Отовсюду слышалась возня карандашей по бумаге.

– За семь лет обучения мы точно превратим свои руки в серую массу, – Роза явно хотелось пожаловаться хотя бы на что-то, и она нашла прекрасный повод для нытья.

– Значит, нам не понадобятся карандаши, будем рисовать руками, – улыбнулась Алекса, сидевшая позади нее.

– Ой, молчи, ты всегда такая чистенькая и аккуратная, – прошипела негромко Роза, – и как только получается.

Алекса взглянула на свои пальчики без единого пятна и

ухмыльнулась:

– Я как-нибудь раскрою тебе свой секрет.

– Все твои секреты мне известны, ты не вылезаешь из ванн в Молочных галере...

Профессор Илия как раз приблизился к мольберту Розы и выразительно посмотрел на спорящих. Ему даже не потребовалось делать замечание, девушки мгновенно замолчали. Розы кипела от зависти, а я так и не решилась погладить ее, чтобы и ее рука не дернулась.

– Розы, ваше кресло сегодня мне нравится больше всех.

Подруга замерла, не решаясь поднять голову на профессора.

– С-спасибо... – нашла в себе силы пролепетать она.

Я подозревала, что профессор не остановится на одном лишь комплименте. Мы так редко слышали от него добрые слова, что сейчас ожидала какой-нибудь фразы, свергающей подругу с пьедестала. Но он меня удивил. Покивал головой, рассматривая работу Розы, и переключился на следующего студента.

Больше никто не удостоился его похвалы. Может, оно и к лучшему: у всех оставался стимул развивать свои навыки. Розы была не из тех высокомерных столичных девушек, которые, раз получив комплимент, навсегда возомнят себя королевами Школы. Здесь счастливичики так же часто становились посмешищем на следующий день.

Спустя час практикум, наконец, завершился. Профессор

лишь пошевелил бровями, глядя на мое кресло, но промолчал. Я так и не поняла, хорошо получилось или совсем никуда не годилось. Несмотря на то, что рисовала я с детства, Школа оказалась для меня большим испытанием. В моей семье Королевским Творцом была только бабушка по маминой линии, и она единственная верила в меня и мечтала, что я пойду по ее пути и создам лекарство для спасения младшей сестры. Но бабушки уже год как не стало, а верить в саму себя я еще не научилась.

– Мад, ты уже что-то придумала для весенних смотров? – мы с Розы вышли из светлого зала. Коридор был так же наполнен светом шаров под потолком, и первокурсники в черном казались кляксой на чистейшем полотне.

– Еще нет, и даже нет идей. А ты?

– Очередное красное платье, – улыбнулась Розы. Она с самого начала знала, что после первого курса выберет специализацию по моде. Я же не представляла, как можно нарисовать микстуру в красном и какие у нее должны быть лечебные свойства, поэтому металась от одной идеи к другой. Красный мало подходил к образу какой-то полезной настойки, скорее уж яда. Но это был первый цвет, владению которым учились художники в Школе.

– Девушки, сегодня вечером собираемся в десятом блоке на рисовальную вечеринку, – подскочила Кассия и протиснулась между нами, обняв за плечи. Мне даже не пришлось поворачиваться – ее изумрудные волосы выдавали хозяйку

сразу.

– О! – загорелась Роза.

– С чего бы нам тащиться к парням? – раз никто не был против, спросила я.

– Мад, не будь занудой, повеселимся. Ты еще не видела голую задницу Криса? Он вызвался позировать.

– Вы прекрасно знаете, что людей нам рисовать запрещено.

– А вот лица мы и не рисуем.

– Только аппетитные формы, – подмигнула Кассия.

– И оживлять их никто не собирается.

– А...

– И даже случайно это не случится. Прекрати! Нас даже не учили дыханию жизни.

– Великая Муза, ну почему я соглашаюсь на ваши авантюры?

– Потому что на свои собственные смелости у тебя не хватает, – хихикнула Кассия и побежала к другим студенткам нашего блока. А у меня свело руки от ее честности...

-2-

Основное здание Школы – это гигантская круглая башня-маяк с жилыми блоками для студентов и преподавателей, а также рабочими залами Королевских творцов. Высотой более двух сотен метров, она сужается от основания к вершине, а внутри нее все цвета радуги обрели свое место

благодаря смелой задумке Создателя. Нижние этажи – самые темные, где чернильная спелость переходит в сливовую роскошь, сменяется глубоким бордовым и шоколадным, а напротив них самый манящий темно-зеленый растворяется в глубоком шторме синего цвета. Постепенно цветовой круг теряет тьму, и уже в середине башни проявляются яркие цвета, от которых рябит в глазах. И затем белый постепенно начинает разбавлять чистоту каждого цвета, пока у самой вершины не появится нежнейшая пастельная гамма в едва различимых нюансах от сливочного крема до новорожденных фиалок.

Студенты делят первые три десятка этажей из семидесяти, первокурсникам обычно отводятся нижние – самые темные цвета. Нас больше всех, потому что именно первый курс отсеивает неспособных управлять дыханием жизни. А верхние этажи занимают самые важные Творцы и сам Создатель.

Наши занятия проходят в светлом южном крыле. На первом этаже расположен главный зал, где собираются все студенты на завтраки, обеды и ужины. Туда мы и направились с Розы после практикума по графике.

– Письмо от родителей? – Розы всегда была внимательна, да и мой задумчивый вид выдавал мысли о семье.

Я вздохнула. То ли от слишком тяжелой ответственности на своих плечах, то ли от нетерпеливого, кричащего между строк ожидания прорывных успехов в каждом письме от родителей.

– Пишут, что сестра плохо перенесла зиму. И все деньги ушли на ее лекарства, а не на мои карандаши.

– Ох, Мад... У тебя закончились запасы? Ты скажи, мне же не жалко с тобой поделиться.

– Пока есть, – я поджала губы, не желая признаваться, как мне приходится экономить. Розы и так все знает.

– Неужели они не понимают, что материалы помогут тебе лучше и быстрее наработать опыт? Ты – их главная надежда!

– Через несколько лет – да, но ты же знаешь, что они живут лишь настоящим, – невесело ухмыльнулась я. Можно было бы и дальше тешить себя иллюзиями, что родители верят в мой будущий успех, но отсутствие их поддержки говорило об обратном.

– Они ведь должны понимать, что в Школе выдают так мало материалов!

– Родители считают, что сделали великое одолжение, когда разрешили учиться здесь, вдали от семьи. Они лишились моей помощи в кафе, и в каждом письме мама жалуется, что не может найти уборщицу, кассира и разносчика в одном лице.

– Я представляю, что бы было, если бы Школа была на юге. Ты бы бежала после занятий помогать им!

– Вместо занятий... – покачала я головой. Розы вспыхнула от возмущения, чем подняла мне настроение.

В главном зале мы взяли по чечевичному супу, согревающий отвар из ягод с гвоздикой и корицей и несколько бу-

лочек без начинки. Алекса и Кайли уже о чем-то болтали за столом, и мы решили подсесть к ним.

– Уже слышали про вечеринку? – Кайли смотрела на нас своими кукольными голубыми глазами и было видно, как ей хочется перемотать время до вечера.

– А то!

Я промолчала. Но подругу это не смутило:

– Мад у нас сегодня не в духе, ее срочно необходимо за-
тащить к парням, согласны?

– Да уж, досталось вам от профессора, – скривилась Алекса, глядя на нас с Кайли, – как же мне хочется, чтобы весенние смотры отменили!

– Мечтай, принцесса! Ммм, отличный суп! – Роза была равнодушна к яркой еде, а уж чечевичный суп идеально подходил к ее образу. Я зачерпнула ложку и тоже оценила его.

За большими окнами главного зала собирались тучи, а значит, рисовальная вечеринка будет проходить под раскаты грома и ливень, укрыв веселье своим шумным одеялом. Мне всегда нравился дождь – он делал город безликим, похожим на меня, и позволял думать, что здесь мое настоящее место.

Отвар тоже оказался вкусным! Хотя от гвоздики у нас защекотало в носу: поморщившись, мы с подругами переглянулись и рассмеялись.

– Хорошо, что сегодня осталась только история и теория цвета, и не нужно пыхтеть на тренажерах, – мечтательно про-

тянула Алекса.

– Хочешь сказать, это не ты флиртуешь со старшекурсниками в спортзале? – съехидничала Роза.

Алекса сбила локоны, сделав их пышнее, и снисходительно улыбнулась:

– Вот поэтому я и привлекаю всеобщее внимание, раз все за мной подглядывают.

Их вечные перепалки с Роза можно было бы взять за основу для веселых историй. Мне казалось, что подруга всегда проигрывала в этом словесном поединке, но она каждый раз находила новый повод уколоть Алексу.

Три часа пролетели незаметно, особенно для Роза, которая делала эскизы платья на полях лекционного блокнота. Сегодня по теории цвета нам рассказывали о том, что красный издавна считается цветом жизни, цветом крови. От столь дикого сравнения мне стало не по себе.

– Кто ж об этом не знает? – недовольно шепнула подруга. Даже тихий голос профессора Таты не потушил в ней горячее ожидание вечеринки.

Я же скорее по привычке поддерживала легкую улыбку на лице, наблюдая за чужими эмоциями, но на самом деле была далека от всеобщего бурления чувств. Не могу сказать, что так было всегда, нет. Когда-то и я умела хохотать громче всех, но это было до того, как цвета ушли из моего мира вместе с бабушкой. Я дотронулась до крохотной игрушки в кармане, которую всегда носила с собой. Этого желтого ушасто-

го зверька в полоску я придумала и нарисовала в детстве, а бабушка оживила его, хотя прекрасно знала о запрете оживлять чужие работы. Мне кажется, на этот риск она пошла, чтобы зажечь мой персональный маяк, который и приведет меня в ряды Королевских Творцов. Чтобы я захотела так же, как она, оживлять свои фантазии.

– Предлагаю немедленно идти на вечеринку! – все художницы нашего блока, кто был поблизости, согласно закивали.

– Что, без ужина? – я не ожидала такого подвоха от подруг!

– Ауф, Мад... Когда-нибудь тебя зацепят и другие радости жизни, помимо еды, – подмигнула Кассия.

– Что? Да это не...

– Успокойся, все будет на вечеринке!

Мне даже неловко стало спрашивать, что они подразумевают под «всем», но я пошла.

-3-

Главная особенность нашей башни – световой магический Столб, который тянется из основания до стеклянной крыши-линзы. Его свет заливает все Королевство, но главное – позволяет художникам быть проводниками дыхания жизни в самом эпицентре. Мне нравилось наблюдать, как радужные всполохи внутри Столба соединяются и растворяются в мягком сиянии, и как световые шары плавают по воздуху по всей Школе.

Но и на этот раз мне не дали полюбоваться магией света. Подруги тянули в блок парней. Самое удивительное: мы пришли не первыми! Я тащила позади всех со своей большой черной папкой с материалами. Плечо ныло, это никак не поднимало настроение. Такие папки были у всех студентов: в них мы хранили бумагу и художественную мелочь.

В каждом блоке находилось по десять кроватей, отделенных от небольшой гостиной тяжелым занавесом. Десятый мы нашли в темно-синем секторе башни, и я приготовилась увидеть интерьер в этих же цветах. Ковер, диван, шторы – весь текстиль был кропотливо создан неизвестным художником.

Нас встретили громкие споры парней о том, где разместиться Крису и как лучше всем организовать места.

– А я говорю, что можно и стоя. Вот тут у стены поставим мольберты... – светловолосый, тощий Джо был очень убедителен. Интересно, как в таком парне нашлось столько силы духа для громких заявлений?

– Вот нам и придется стоять, чтоб все девчонки расселись, – коренастый темноволосый Чейз явно был этим не доволен. Меня всегда сместила его привычка искать самое удобное место для себя.

– А что в этом плохого? Тебе прям так хочется глазеть на Крису?

Чейз насупился и махнул рукой. В гостиной уже сидела Лара – смоки-макияж, острый ум и длинные ноги делали ее королевой в моих глазах. Она о чем-то разговаривала с Ро-

ном, одновременно принимая бокал и десерты, которые приносил ей весельчак Дарк. Остальных я плохо знала.

В центре гостиной был круглый стол с фруктами и булочками – парни совершили набег на главный зал, но не догадались взять с собой что-то более сытное. Я послала неодобрительный взгляд Розы, а получила в ответ невинную улыбку.

Каким-то образом гостиная для десяти человек смогла вместить в себя восемнадцать. Кто-то уселся на стулья, кто-то остался стоять. Три кресла заняли Розы, Алекса и Кассия. У каждой на коленях была стопка листов с планшетом для удобного рисования. Кайли под села к Ларе так, что весельчаку Дарку пришлось спуститься на пол к их ногам, о чем он и пошутил. Из нашего блока не пришли только две тихони-близняшки, но никто не расстроился. Я нашла себе место на подоконнике, чтобы прикрыться шторами, спокойно съесть пару булочек и ни с кем не разговаривать желательно весь вечер. Но к моим надеждам никто из Муз не прислушался...

Наше творческое сборище еще больше оживилось, когда из-за спального занавеса выглянул Крис, обнаженный по пояс, и уточнил, нужно ли раздеваться совсем, или нас устроит вид его нижнего белья. Парни захохотали и отдернули занавес.

– Снимай уже свои брюки! Девчонки ждут, – подмигнул нам Дарк.

Крис повернулся спиной, стянул все одежды и весело про-

изнес:

– Вот вам для разогрева прекрасная задница, а вишенка на торте будет позже.

– А ты смелый парень! – восхитилась Кассия и принялась набрасывать его образ так, будто каждый день рисовала обнаженных парней. Крис как раз упер руки в бока и перенес вес тела на правую ногу, для усложнения позы.

Заскрипели остальные карандаши.

– Вот кому не нужно укреплять спину, – высказал всеобщее мнение Джо.

– Да уж, Джо, я таких как ты могу троих поднять, – ухмыльнулся натурщик.

Это был мой первый опыт рисования человека – и тем более парня! – и пока я пыталась уловить силуэт, рука точно гладила его формы на бумаге неуверенными нежными линиями, от которых становилось труднее дышать. Я порадовалась, что предусмотрительно спряталась за штору – так на меня почти никто не смотрел.

– Меняй позу, Крис. Все успели?

Сидя на небольшой высоте, я видела эскизы разной степени готовности. В основном у всех получились фактурные плечи и, конечно, та деталь, ради которой мы все здесь собрались. А вот его темные, скорее даже черные, волосы были в таком беспорядке, что на многих эскизах выглядели небрежно и бесформенно. Для следующей позы Крис, все так же стоя к нам спиной, взял стул и уселся на него впол-

оборота, держась одной рукой за спинку, другой облокотившись о край сиденья. Ногу тоже поставил на сиденье, прикрыв пах.

– Справитесь с этой сложной позой?

– Ты сам-то высидишь так?

– Все подвиги ради вас, – подмигнул он Кассии.

Со вторым эскизом прибавилось смелости, взгляд все чаще останавливался на Крисе, чтобы запомнить черты и быстро перенести их на бумагу. Мои штрихи стали более рваными. Или это из-за ускорившегося пульса? Сумасшедшая, конечно, идея! Но внутри поселилась тихая радость от того, что я не сбежала из-за своих переживаний.

– Эй, а может, кто-то еще хочет натурщиком побыть? – воскликнул Рон, – Лара?

– Мечтай.

– Только этим и занимаюсь, кстати!

– У меня брат учится на пятом курсе, они тоже подобным развлекались. Ну пока их не поймали, – вдруг подал голос Чейз.

Кайли охнула и бросила взгляд на дверь. Кто-то нервно посмеялся.

– Это очень своевременный комментарий, знаешь ли, – подал голос рыжий парень в очках, имени которого я не знала.

– Да мы здесь как мышки сидим, кому какое дело, что мы делаем в свободное время!

Я могла бы привести десяток доводов, почему нам нельзя всем этим заниматься, но кому нужны мои занудные речи?

— А вот Мад, кстати, будет очень легко нарисовать, — вдруг повернулся ко мне Крис. И заслужил мой испуганный взгляд.

— Так и скажи, что ты к нам лицом не хочешь поворачиваться, — быстро нашлась я, хотя дыхание сбилось, и последнее слово я еле выдавила.

— Точно, и придумываешь, кем бы себя заменить, — помогала мне Роза.

— Нет, я серьезно! Если я повернусь к вам лицом, ты будешь потом позировать, Мад? — не унимался вредный Крис. Кажется, мой план с исчезновением за занавеской провалился.

— Почему я? Не хочу раздеваться у всех на виду!

— Эй, эй, Крис пошутил, не нервничай, — и Кассия погрозила ему карандашом.

— Да вы посмотрите! Мад идеально подходит для черно-белых набросков.

— Крис, ты стесняешься? Думаешь, мы уменьшим твоё достоинство на бумаге?

И как это Кассии удавалось так легко шутить?! Парни явно оценили ее намек и заулыбались. Но Криса это даже не задело:

— Вы сейчас абсолютно все рисуете с дикими горящими глазами. И смотрите на Мад, она почти что неживая сидит.

– Как ты меня назвал? – резко выпалила я.

Мой вопрос зазвенел в налетевшей тишине. Мельком увидела, как вытянулось лицо Розы. Мне кажется, подруга не ожидала увидеть, как тихая Мадлиф уходит, а вместо нее появляется моя гневная версия. Даже Крис дернулся на стуле. Но позу удержал.

Кровь прилила к щекам, и точно-точно я перестала выглядеть восковой статуей.

– Если у тебя есть отличная задница, которую тебе не терпится всем показать, то это не значит, что и другие жаждут открываться, – меня уже было не остановить.

– Мад, я лишь хотел тебя оживить! – ухмыляясь, ответил он.

– Я неживая? Неживая, по-твоему? – какая-то мысль о жизни и крови билась в истерике, но я не могла ее поймать.

– Ты ждешь откровений? Получай. Я давно за тобой наблюдаю. Ты настолько заморозила свои эмоции, что в конечном итоге не сможешь их выпустить, когда придет время оживлять свои рисунки.

Я не знаю, что нашло на Криса, но никогда он не произносил таких долгих речей при мне. Мы с ним почти не разговаривали и редко садились вместе в рабочих залах. Ни о чем, кроме смотров, я думать не могла, а потому фраза Криса о замороженных эмоциях застала меня врасплох.

– Зачем ты наблюдал за мной?

Я понимала, что стала не только центром внимания, но и

поводом для откровений, к которым не была готова. И, возможно, мне даже не хотелось знать о его наблюдениях и выводах, но вопрос вырвался сам собой. Должно быть, я выглядела жалко в этот момент. Дышать стало еще сложнее, и я соскочила с высокого подоконника, приготовившись убежать.

– Ты думаешь, что, укрывшись тишиной, перестанешь быть красивой и живой? – Крис будто нехотя это говорил. Он сурово смотрел мне в глаза, будто пытался достучаться и до моей замороженной души. – Может быть, поэтому тебе красный и не поддается. У тебя и кровь, наверное, серая.

Я красивая? Так вот значит, как звучат подобные признания от парней? Но почему тогда мне так больно это слышать? Как будто меня прилюдно распяли за красоту, и кровь – явно не серая – течет из всех ран по обнаженному телу, показывая, насколько я живая.

Единственное, что я поняла из его признаний: мысль, которая, наконец, ворвалась в мой разум, была связана с кровью. Красный – цвет жизни, цвет крови! Вот какой материал мне нужно использовать для проекта на весенние смотры!

-4-

Я оглядела притихших ребят, но все были какими-то размытыми пятнами, ошарашенно прошептала что-то вроде: «Спасибо, Крис», не уверенная даже, что сказала это вслух. Меня несло к выходу, как корабль во время шторма кидает по скалам – кажется, я споткнулась обо всю мебель и стены,

пока не добралась до двери. Последнее, что слышала из десятого блока, было чье-то:

– Наверное, вишенку на торте сегодня не нарисуем.

Мне нужен был воздух, мне нужен был дождь, в котором я смогу расплакаться и вернуть себе спокойствие. Я неслась среди студентов, но на меня никто не обращал внимания. По всему кольцу коридора расположено много лестниц, и я слетела по ближайшей на первый этаж – самый темный, в котором растворяются все, кто там оказывается. Освещения здесь всегда было мало: только магический Столб бил ярким светом, отбрасывая силуэты лестниц на стены башни. Но дальше от центра тени захватили власть и окутали сумраком стены. Я бежала к выходу сквозь открытое пространство, и эта сотня метров показалась мне бесконечной.

Свобода! Я захлебнулась глотком свободы и впитала в себя дождь, выпуская наружу криками боль. Они рвались со слезами. Равновесие кружило по телу и, не находя опоры, шатнуло меня на лестницу. Запнувшись, с лестницы я слетела в траву, только-только показавшуюся после первой одинокой зимы в этом сумрачном городе. Колени увязли в луже, ладони вмялись в грязь, и я выплеснула колючую боль земле. Пальцы сжимали и ломали травинки, волосы свисали сосульками и били по щекам, ветер гладил, но его нежности я не ощущала. Внутри меня уже рос и множился идеями образ предмета, который я создам своей кровью для весенних смотров. Я пройду их! Я обязана их пройти!

Мне пришлось собраться с силами и встать, когда форма окончательно промокла. К ладоням прилипли травинки и грязь, колени саднило, дерзкий ветер задувал под платье, как будто оно могло стать парашютом или хотя бы парусом и унести меня далеко-далеко. Отбросив эти метафоры, я поднялась по ступеням. Я знала, куда нужно держать путь. Над входом молнии подсвечивали надпись, которую я не понимала, будучи первокурсницей, но старалась следовать ей в этих стенах: «Дыхание жизни приручит спокойный разум. Магия мира откроется смелому сердцу». Выходит, зря старалась.

Как же легко оказалось вывести меня из спокойного состояния!

– Создатель! Мад, вот ты где! – бежала мне на встречу Розы. – Ты забыла папку, я вернула ее в блок.

– Спасибо, Розы... – одними губами прошелестела я и содрала прилипшие волосы с лица, заправив их за уши.

– Прости меня, я не знала, что Крис будет так издеваться!

– Наоборот... Розы, кажется, я придумала проект для смотров.

– Что? Как? Какой? Нет, погоди! Расскажешь после горячего душа, идем!

Она потащила меня на третий этаж, в наш сто одиннадцатый блок. Подъемные платформы не работали для первокурсников, нам приходилось бегать по лестницам, чтобы укрепить мышцы. Когда работа Королевским Творцом предполагает многочасовое сидение практически без движения,

необходимо заранее заботиться о своей спине. И не только.

За всеми, кто побывал на улице, тянулись мокрые следы, так что мои собственные не стали одинокими нарушителями чистоты коридоров. И только оказавшись в нашем блоке, я поняла, как сильно замерзла на улице за те недолгие минуты.

– Мад, ты вся дрожишь!

– З-знаю, уж-же б-бегу в душ, – я не стала даже скидывать одежду, прямо в ней нырнув под горячую воду. Как же стало хорошо! Дрожь постепенно прошла, и я смогла раздеться. Гигиенический блок мы делили с соседним сто двенадцатым. В открытом пространстве находились душевые и раковины; кабинки скрывали только туалеты; и даже хватило места для двух стиральных устройств. Строгая аскетичная обстановка без изыска и декора, без домашнего уюта. Свое платье я отжала и повесила сушиться. Роза протянула большое полотенце.

– Уже лучше? – дождалась моего кивка и вспыхнула от нетерпения, – ну, рассказывай, что за проект!

– Шкатулка для чувств. Все, что хочется сохранить или, наоборот, от чего хочется избавиться. Внутри будут колбочки. Прозрачные будут с хорошими воспоминаниями, а из темного стекла будут для плохих.

Глаза Розы расширились, а по лицу расплзлась улыбка.

– Мад, мне кажется, это отличная идея! Я таких еще не встречала, и мне пригодилась бы подобная штучка! А как сами воспоминания поместить в колбочки?

– Кровь. Шкатулка будет красного цвета. Именно кровь содержит наши эмоции, помнишь лекцию профессора Таты?

– Точно! Она меняет состав, когда мы испытываем стресс, и все такое, – я видела, как Роза загорелась идеей, и мне приятно было почувствовать себя изобретательницей. Пусть и в самом начале пути.

– Я нарисую шкатулку своей кровью. И в колбочках будут храниться...

– погоди, я не поняла... Что ты имела в виду под рисованием кровью?

Я широко улыбнулась, а лицо Розы вытянулось:

– Ты что, серьезно? Ты думаешь, так можно?

– Вряд ли, но рисовать очередной стол с секретами или кресло-массажер я не могу.

Повисло молчание – одно из немногих мгновений в нашей жизни, когда ты чувствуешь, как жизнь разделяется на два пути, и нужно выбрать тот, по которому нужно идти, ведь второй путь при этом исчезнет навсегда, и вернуться на эту развилку будет невозможно. Мы одновременно шумно выдохнули.

– Ох, Мад... Я ведь тоже ломаю голову над своим платьем, но хотя бы понимаю, что именно я хочу создать.

– Вот именно. Мне нужно определиться. А шкатулка все же немного, но связана с лекарским делом.

– Совсем немного. Но идея огонь, правда! Исцелительница душ, вот кто ты, Мад, – похлопала в ладоши подруга и

сжала меня в своих солнечных объятиях. – Еще не поздно, может, пойдем в свободный зал порисовать?

– Я как раз туда и собиралась идти, когда ты меня поймала.

– И хорошо, что поймала! Ты бы видела себя!

-5-

На мою удачу в нашей гостиной никого не было.

– Все еще на вечеринке? – удивилась я. Не то, чтобы мне хотелось узнать про третий эскиз, но... Да, хотелось! Кто из нас не страдает любопытством? Роза поняла мой невысказанный вопрос и блеснула глазами.

– Крис ушел одеваться, когда я складывала наши папки. Может, потом его кто-то и заменил, не знаю. Что между вами случилось?

– Я не знала, что между нами вообще что-то есть, – недовольно выдала я. Мы захватили с собой папки и вышли.

– И я не замечала... А уж я-то такое чувствую! Вот же гад!

– Не знаю, какая Муза на него нашла. И вообще я думала, что он моего имени даже не знает.

– Угу. Интересно...

Больше мы этой темы не касались, но я знала, что Роза докопается до истинных чувств и мотивов парня. Теперь он был на крючке ее внимания. И мне его даже стало жалко. Однажды подруга поделилась со мной историей, как выследила своего старшего брата с девушкой, которая ей сразу не

понравилась. А потом в одиночку раскрыла, что эта хитрюга встречалась с несколькими парнями. Как она жалела, что не могла ни нарисовать, ни сделать какое-то моментальное изображение увиденных сцен! Но описала все подробно брату, и, по ее словам, он узнал парней. Ух, какое горячее было продолжение. Я слушала Розы с открытым ртом, восхищаясь ее находчивостью.

До смотров оставалось три дня. Мы с Розой не были в числе тех, кто заранее все придумал и подготовил. Наши стопки эскизов грустно пополнялись черновиками, а муки творческих поисков и не думали прекращаться. На прошлой неделе я даже решила на призыв Музы, но Роза так хохотала, пока я зачитывала приглашение, что только бесстрашная Муза смогла бы явиться к нам.

– Это приглашение я вообще-то нашла в библиотеке! Это официальная формулировка!

– В секции детских сказок?

Я до сих пор с досадой вспоминала тот вечер. А вдруг получилось бы?

В свободном зале мы отметились у смотрящего, он записал время нашего прибытия и пожелал вдохновения. Сегодня здесь было многолюдно... Кто-то работал за мольбертом, кто-то выбрал себе место за длинным общим столом – в основном это студенты вроде нас, которые зависли на этапе черновиков. Мы нашли два места в глубине зала, так и не встретив никого с вечеринки.

– Рози, Мад, привет, – негромко позвала нас Анж из соседнего блока. На нее покосились сразу две художницы. Это была светловолосая пухленькая девушка с фиалковыми глазами. Мы улыбнулись ей в ответ. В свободном зале, как и в библиотеке, лучше не нарушать тишину. Мне кажется, тут студенты становятся еще злее после десятка неудавшихся эскизов.

– Тебе нужны референсы? – шепнула Рози, когда мы разложили бумагу с карандашами.

– Пока нет, не хочу опираться на существующие предметы.

В этом мы с подругой были похожи – она тоже была фантазеркой! Мы с ней проводили много времени в архивах, рассматривая предметы, которые создавались столетия и десятилетия назад. В архив попадало наследие ушедших Королевских Творцов – каталоги с работами размещались по секциям, а внутри секций по именам. Там не было работ живых художников: созданные ими предметы продолжали воплощаться на протяжении всей жизни Творцов.

Конечно, Рози проводила много времени в секции текстиля. Ее интересовало все: ткани, женские и мужские наряды, текстильный декор, детские вещи. Что-то особенно понравившееся мы часто перерисовывали в блокноты, в основном это были узоры или необычные решения, крой. Такие детали можно было складывать из разных эскизов и получать что-то новое. И чаще всего после такого эстетического заплыва

я тянула подругу в другие секции, чтобы развивать насмотренность.

К сожалению, лекарственное направление было закрыто для первокурсников, поэтому я не могла опираться в своих работах на существующие рецепты и идеи. Зато пополняла свой визуальный багаж материалами из разных направлений, в основном это были игрушки, мебель и декор для дома. Роза бубнила, что ей это не нужно, при этом сама часто добавляла в блокнот идеи и заметки из «ненужных» каталогов.

Она разложила свои записи и почеркушки, связанные с платьем, чтобы сделать финальный эскиз. Передо мной был лишь один лист бумаги – я снова начинала с нуля. Больше часа мы с Розой скрипели карандашами и шумно вздыхали.

– Кажется, я все, – шепнула Роза.

– Создала финишную ч/б версию?

– Ага, – сколько гордости звучало в ее шепоте! – Что у тебя?

Она нырнула в мои эскизы. На одном листе я схематично набросала шкатулку с разных ракурсов и примерный узор на крышке. Это был флористический орнамент с маками, дарующими забытие. Объемные лепестки словно колыхались на легком ветру. Еще уделила внимание ножкам – тонким и изогнутым в виде плюща, который вился дальше по боковым стенкам.

– Мад, как красиво! И очень сложно, тут с объемом и тенями можно запутаться.

– Знаю, но это того стоит. Ты ведь слышала профессора Илию... Я уже ничем не рискую.

– Не говори так. Мне кажется, он специально так сказал, чтобы тебя... ну... взбодрить что ли.

Я покосилась на подругу, но ничего не ответила. Зачем ее расстраивать? Лучше сосредоточиться на идее. У меня еще есть время, чтобы сделать финальный эскиз и в черно-белом варианте, и в цвете. Особенно в цвете...

Подруга ушла, а я решила задержаться и подготовить основу для завтрашней кропотливой работы с тенями. Зал постепенно пустел. Мы редко здесь оставались в одиночестве: всегда находился любитель работать по ночам. Но ловить идеи и скользить по листу определенно стало легче. Поэтому спустя полчаса я тоже собрала свои материалы. Спина немного затекла. Я помассировала шею, разглядывая результат. Пожалуй, это можно было считать неплохой работой. Подняла голову, и наткнулась взглядом на Криса за одним из мольбертов. Он наблюдал за мной, как будто изучал поведение зверька в клетке – серьезно, без раскаяния за содеянное. И пришел он сюда именно за мной: я поняла это по отсутствию папки. А раз сидел он спокойно и не прятался от меня, я решила не убегать от всей этой ситуации. Побег – признак слабости, а я сегодня ее уже проявляла. «Глубокий вздох, еще, поменьше эмоций», – повторяла я себе.

– Долго здесь сидишь? – наверное, нужно было начать с какой-то другой фразы, но я ничего не смогла придумать.

– Я рад, что ты не раскисла от моих слов.

Я заметила, как в нашу сторону начали оборачиваться полудночные студенты, и кивнула ему на выход. Мы молча шли вдоль общего стола по разные стороны.

– Разреши помочь тебе с папкой, – смотрящий свободного класса зафиксировал время моего ухода. Эти минуты позже пойдут в зачет, возможно, прибавив баллы к успеваемости.

– С чего вдруг такая забота? – потягивая плечи, спросила я. Надо бы попросить Кассию помять их, ее сильные руки творят чудеса.

– Просто предложил помощь.

– Крис, уж с этим я точно справлюсь сама. Зачем пришел?

– А тебя не так-то просто сломать, Мад, – я не поняла, порадовало его это открытие или нет.

– Ты вломился с ноги в мою жизнь, комментируешь мои действия, делаешь странные выводы перед всем блоком и еще надеешься, что я побегу к тебе за помощью?

– Я не враг.

– Ты и другом не станешь.

– Я тебе кинул спасательный круг, ты его поймала.

– Ты швырнул кирпич. Выплыла я *сама*.

– Это одно и то же.

Мы дошли до лестницы, но вместо того, чтобы пойти к своему блоку, Крис продолжил меня провожать.

– Чего ты от меня хочешь?

– Ничего.

– Зачем тогда спланировал весь этот вечер? Я в курсе, что Кассия встречается с парнем из твоего блока. И примерно представляю, как ты ему закинул идею вечеринки. Зачем?

– А ты как думаешь?

Его фразочки начинали меня раздражать! Если парни подкатывают именно так, то им кто-то должен сказать, что девушкам подобное не нравится. И уж точно не я должна учить этого высокомерного сокурсника. Я поджала губы, собралась с мыслями и выдохнула:

– Ты не ответил сейчас ни на один мой вопрос. Я думаю, что весь этот странный вечер пахнет нездоровым преследованием. Прощай, – почему-то захотелось сказать это ему прямо в глаза.

– Можешь считать меня своим Вдохновителем, – Муза, как он на меня посмотрел! Так не смотрят на девушек девятнадцатилетние парни. Прямо, с едва заметной улыбкой, будто листал меня как прочитанную книгу. И будто знал, что смог переписать в ней несколько строк, оттого и казался сейчас таким довольным. У меня мурашки побежали по спине от его взгляда. – Спокойной ночи, Мад.

-6-

Все уже спали, а в гостиной уютно горел световой шар. Я пристроила папку к остальным, быстро переоделась и задернула общий занавес: мои соседки часто жаловались на сквозняки. Сон не забрал меня сразу в свой спасительный мир,

хотя и не мучил долгим ожиданием – все же день был ужасно насыщенным.

Но это «Спокойной ночи, Мад» липло ко мне даже в темноте, все еще взметалось мурашками по телу – у меня перехватывало дыхание. Я пыталась отделаться от слов, от самого Криса, от его пронизывающих глаз, цвет которых я не смогла вспомнить. Его образ отпустил лишь под утро, и я провалилась в глубокий сон.

– Ма-ад, – кто-то нежно дотронулся до спины, – вставай, а то всех Муз проспоришь, – кто-то хихикнул.

– Музы приходят ночью, это вы всех проспали вчера, – проскрипела я, но глаза открыла. На меня с любопытством смотрела Роза. – Уже звенел подъем?

– Нет, мы решили пораньше пойти на завтрак, чтобы не толпиться там. Ты с нами?

– Умф... Конечно, с вами.

У раковин стояли почти все в разном состоянии бодрствования. Конечно же, Алекса сияла, как умытая роза, и уже подкрашивала ресницы. Кайли чистила зубы, Кассия, все еще в нижнем белье, зевала напротив зеркала. Мы не стеснялись друг друга, это прошло еще в начале учебного года. И не могло не пройти, ведь душевые были открытыми, а отдельные кабинки были только для туалета. Многих это шокировало, в том числе и меня. Я не могла раздеваться у всех на виду, поворачивалась спиной к чужим взглядам. Но потом и самые стеснительные привыкли.

Я никогда не красилась, и это сэкономило мне кучу времени! Быстро умылась, почистила зубы, расчесала волосы – в очередной раз порадовалась, что они у меня едва доходят до плеч и не путаются во сне. Вчерашнее платье, в котором я выбежала в бурю, еще не высохло. Из-за близости леса наша Школа и вся столица сражались с сыростью и туманами. Говорили, что с верхних этажей башни можно даже увидеть, как низкие облака укрывают дома по утру и забираются в открытые окна.

И удивительным образом бумага не страдала от такой влажности! Никогда я не слышала, чтобы кто-то жаловался на отсыревшие карандаши и плесень на готовых работах. И больше всего в этой странной истории мне верилось в силу радужного Столба, который защищает то, что считает своим: художников и наши творения. Хотя я и не высказывала вслух свои смешные домыслы.

По пути в главный зал я шепотом пересказывала Розе полуночную встречу с Крисом. Она, как и положено лучшей подруге, хмурилась и качала головой в нужных местах.

– И что все это значит?

– Я надеялась, что ты мне подскажешь, – призналась я и потерла висок. Вчера, заглушив эмоции, я резала как клинок, когда прямо высказывала парню все, что думаю о нем; но попадала лишь на камень, а не на сердце. Крис оказался непробиваемым. А самым пугающим было то, что я не ведала о его подлинных целях.

– Эти его фразочки... – задумчиво протянула Рози.

– Зловещие.

– Да, немного. Или у нас паранойя разыгрывается у двоих.

– Мне, наверное, лучше избегать встреч с ним.

– Ты что, Мад? И оставишь меня с кучей интриг вокруг красивого парня?

– Рози, – ужаснулась я, – тебе меня вообще не жаль!

– Конечно, жаль. Надо было в самом начале вечеринки шлепнуть его по заднице, заодно и проверила бы, насколько она хороша!

– Рози, – прошипела я. На подругу невозможно было злиться...

День завертелся юлой. Так бывает всегда, если особенно ждешь чего-то, а оно может произойти только вечером. Мысли о шкатулке вплетались в практикум быстрых эскизов, и даже профессор Шнель – жилистый мужчина средних лет с резкими движениями – ни разу не сделал мне замечание. Хотя его фигура носилась по рядам со скоростью вдохновения, и в каждую работу он успел засунуть свой острый подбородок, и не жалел таких же жалящих комментариев.

– Сильно усердствуете, Анж. Вы набрали пару килограммов, и рука отяжелела?

– Это мог бы быть изящный подсвечник, но он так и остался куском железа, Эрик.

– Будьте нежнее, Катарина, вам сегодня не желали доброго утра?

Он упражнялся в остроумии и явно восхищался собственной персоной. Но я ему прощала все грехи просто потому, что до меня ему не было сегодня никакого дела. Мы работали быстро и за три часа успели создать по пятнадцать эскизов: все мелкие экспонаты профессор Шнель представлял с показной торжественностью и добавлял пару слов из их истории. Мне нравилось сопровождать эскизы заметками по бокам, потому что все они потом попадали в мой блокнот референсов. В основном это была информация о художнике (чтобы потом найти его в архивах при желании!) и, если было известно, путь создания от идеи до оживления. К тому же эта пышная презентация действительно соответствовала самим предметам: у профессора был тонкий вкус.

Я старалась не подавать вида, что разговор с Крисом произвел на меня впечатление, поэтому занимала свои обычные места и на практикуме, и во время обеда в главном зале, и после: во время силовых упражнений и растяжки. И специально не озиралась по сторонам, чтобы не встретиться взглядами. Возможно, он и не следил за мной, так как взглядов я не ощущала. Эта дистанция была необходима как воздух: я все еще не решила, как себя с ним вести. Зато я видела подозрительный прищур Розы каждый раз, когда она смотрела куда-то мимо меня. Вот кто поджимал губы, когда встречал в толпе парня. Спасибо Розы, так я понимала, что Крис рядом, даже если он занят своим делом при этом – я впервые пожалела, что у нас с ним общие занятия.

Потные и уставшие, мы слезли с матов. Сегодня особенно много работали с мышцами спины, но досталось и ногам. Дома я никогда так усердно не тренировалась: мне проще было договориться со своей ленью и посвятить лишний час рисованию, хоть потом и сложно было разогнуть спину. А в Школе хочешь не хочешь – два раза в неделю терпишь спортивные издевательства.

– Хотя бы сегодня меня ждет ужин! – я не удержалась и намекнула Рози на вчерашние события.

– Значит ли это, что мы снова можем *его* обсуждать? – хитро прищурилась подруга.

– Куда ж я денусь от твоего любопытства. Но предупреждаю! После ужина мы пойдем в свободный класс, и там ни слова, ни шепота.

– Договорились, – в душ почти что бежали до нашего блока.

-7-

Рози заканчивала платье в цвете. Давно я не видела подругу такой довольной: она, как сытая кошка, грелась в лучах своего таланта. Мне тоже перепало тепло ее солнца: сегодня получилась отличная черно-белая версия моей шкатулки. Маки трепетали, но ветер не срывал их лепестки, а нежно подхватывал и раскрывал. Плющ придавал изящества квадратной форме шкатулки. Я сомневалась, нужно ли ей придавать форму круга, даже сделала дополнительные эскизы, но

убедила саму себя, что квадрат практичнее. И боялась даже себе признаться, что светотени квадрата будет легче проработать.

С шумным вздохом я выпрямилась и запустила пальцы в волосы – помассировать голову. До смотров два дня – а точнее, два вечера работы. Должна успеть. Завтра нужно начать рисовать с кровью. Послезавтра нужно сделать версию с цветными карандашами. На всякий случай. Должна успеть... да? Я задавала себе вопросы, но только время могло на них ответить. Как-то нужно было набрать столько своей крови, чтобы хватило для работы. Я не верила, что настолько серьезно могу рассуждать о безрассудной идее. Благо, хоть не вслух. А где работать? В свободном зале вряд ли разрешат... А если занять место в углу и повернуть мольберт к залу, чтобы спрятаться за ним? Чтобы никто не подглядывал. Хм... Обычно этого никто не запрещает. Надеюсь, сработает. Мурашки пробежали по телу от этих дерзких планов.

Еще одной проблемой было то, каким образом жидкую кровь я смогу перенести на бумагу. Все, чем мы рисовали в Школе, было твердым: графитные и цветные карандаши для основных занятий, а также уголь, сангина, стержни сепии, сухая пастель и мелки, которыми мы порой развлекались в свободных залах. Хотя все эти материалы были не в почете у профессуры и серьезных студентов, мы с Розы любили эксперименты, пусть они и стоили мне дополнительных монет. В стенах, где каждый живет по жестким правилам и распи-

санию, мы находили для себя немного свободы и радости.

– Рози, кажется, у меня проблема...

Рози вскинулась, быстро оглядела зал и повернулась ко мне. Одна бровь ее взлетела, другая нахмурилась.

– Я не знаю, чем переносить кровь на бумагу.

– Ах, это, – выдохнула подруга. Она явно ожидала услышать *о другом*. Я улыбнулась от того, каким злодеем подруга успела нарисовать Криса. Надо будет успокоить ее, ну в самом деле, что этот парень может мне сделать? Видимо, творческий успех снизил градус моих переживаний и плеснул эйфории в кровь.

Она задумчиво на меня смотрела, накручивая свои рыжие кудряшки на палец.

– А что, если мы обрежем твои волосы? И зафиксируем их на стержне, – так же шепотом продолжила она.

– Зачем?

– Что значит, зачем? Ты меня о чем только что спросила?

– Э... Как рисовать кровью... – последнее слово я произнесла только губами.

– Ну вот тебе и ответ. Волосы отлично впитывают воду. Вода и к, – Рози выпучила глаза, взмахнула рукой, намекая, чтоб я сама продолжила слово, – почти одно и то же. Надо просто попробовать.

Я удивленно смотрела на подругу. Нет, я знала, что она умная, но чтобы настолько...

– Как ты так быстро додумалась?

Рози отмахнулась:

– Мой дедушка не смог поступить в Школу, но нашел один способ творить: он изобретал много всего интересного из подручных материалов. Я каждый день бывала в его сарае, который он гордо именовал мастерской, и видела, как одну железяку он соединял с другой и получалось что-то полезное в хозяйстве.

– Круто...

– Ага, – Рози широко улыбнулась, – вот я и подумала, как бы поступил дедушка? И ответ пришел сам собой. Нам надо найти железяку.

– Зачем?

– Может быть, вы продолжите разговор в коридоре? – зло прошипела студентка напротив нас.

Мы заткнулись и, не сговариваясь, начали собираться. Всю дорогу до нашего блока за нами летел магический шар, подсвечивал коридоры. Старшекурсники еще поговаривали, что эти шары нас подслушивают, но стоило ли им верить? Блок был слабо освещен, поэтому мы пригласили светящийся шар следовать за нами.

– Я знала, что мне это однажды пригодится! – Рози торжествующе достала мешочек, в котором помимо маленьких ножниц и ручных плоскогубцев оказались железяки разных форм и размеров от плоских пластин до тонких стержней.

На ее возглас подплыла Алекса:

– Что за сокровище ты прятала от нас? – но, увидев некра-

сивый хлам, она поджала губы, – странные у вас развлечения, конечно...

– Ха, ты только посмотри, что мы будем делать с этим, – Роза все еще продолжала полыхать от счастья.

Мы переместились в гостиную, где уже сидели, уткнувшись в книги, близняшки Лия и Лея; Хелена и Сюзи, с которыми мы редко общались, раскладывали пасьянсы на ковре, но даже они повернули к нам головы.

Роза разложила на столике свои инструменты.

– Мад, давай-ка сюда свои косы, – Роза азартно клянула маникюрными ножницами.

– Не придумывай, нет у меня кос.

– Ага. Я их сейчас вот та-ак и еще... – Роза подставила бумагу, и туда посыпались отрезанные кончики моих волос. Когда подруга подровняла всю длину, я посмотрела в зеркало и ахнула: у меня было каре, открывшее тонкую шею.

– Роза...

– Не волнуйся, отрастут!

– Роза...

– Все во благо смотров!

– Роза, я всегда знала, что у тебя манеры дикарки, – жеманничала Алекса, но сегодня мы на нее даже не думали обижаться.

Меня гораздо больше волновал мой новый образ. Я никогда не носила такую короткую длину. Несколько минут я отрешенно наблюдала, как подруга собирает из моих волос

пучок, формирует его в какую-то щеточку, затягивает проволокой вокруг карандаша. Все ради моей работы! Это помогло мне сдержать эмоции.

– Первая готова! Пробуй, – Роза вручила мне изобретение: волоски были плотно сложены и закреплены. Шелковистые и непослушные, они немного торчали в разные стороны. Я аккуратно плеснула на них воду из крана и убедилась, что при намокании волоски становятся сосулькой, как обычно поступали мои волосы. Что ж, возможно, этим получится рисовать. Было волнительно!

Я показала предмет подругам, и Роза радостно захлопала в ладоши.

– Сейчас я еще накручу! Ты пока пробуй этой поработать.

– А для чего тебе вообще эта... мм... щеточка? – сузила глаза Алекса, – о какой работе говорит Роза?

Мы с подругой переглянулись. Так как на весенних смотрах все увидят мой эксперимент, не было никакого смысла скрывать его от тех, с кем я делила блок – от самых близких людей в Школе, если наши отношения можно назвать близкими. И я сдалась:

– Мне пришла в голову идея нарисовать работу своей кровью. Чтобы показать, что я живая, что мое творчество живое, в общем, как-то так... – под конец я совсем смутилась от пристальных взглядов девушек. Они тоже не знали, что сказать.

– Кровью, – поморщилась Алекса. – Ты будешь прокалы-

вать пальцы?

– Ну... я об этом еще не думала, но да, примерно так.

– Ты все еще в своем уме, Мад?

– Слушай, ты слышала профессора Илию, он прямо сказал, что шансов у нее мало, – не выдержала Роза.

– А ты поддерживаешь ее идиотскую идею, значит? – вскинулась неожиданно Алекса. – Вместо того, чтобы тренироваться день и ночь, раз у нее так плохо получается, вы придумываете... Создатель, я даже не знаю, как назвать эту мерзость!

– Алекс.

– Не сокращай мое имя! Ты прекрасно знаешь, что можешь вылететь из Школы! Почему ты сейчас не в свободном зале? Почему занимаешься ерундой, Мад? Где твои эскизы?

Я знала, что Алекса абсолютно во всем права. Я знала, что Роза – моя дорогая Роза – авантюристка, она не могла не поддержать мою бредовую идею. Но и мне стоило побиться за себя. Алекса – лишь первое испытание. Если я покажу, что могу достойно защитить свой проект, значит, я докажу это и всем остальным!

– Я не буду перед тобой отчитываться. Я раскрыла тебе свою тайну и не жду, что ты ее поддержишь. Теперь вы все знаете, и я знаю, на какой риск иду. На смотрах можете просто держаться в стороне.

Близняшки закрылись книгами, поняв намек. Хелена и Сюзи тоже предпочли не вмешиваться. Одна лишь Алекса

хлопала глазами.

– Мад, я переживаю за тебя. Мне не все равно, – она заломила руки. Наверное, не ожидала такого отпора от той Мадлиф, которую она знала.

– Спасибо, Алекса.

– Скажи, ты... ты так из-за вечеринки себя ведешь?

Я потеряла виски. Вот уж не думала, что простое откровение вызовет такую бурную реакцию.

– Наверное... Я не знаю.

Алекса сочувственно кивала. Роза притихла, видимо, оглушенная осознанием своей роли в моем возможном исключении. Но она была бы не Роза, если бы не шла до конца. И в этой минутной паузе, где никто не мог найти себе место, она достала из мелочевки иголку и протянула мне.

– Вперед, детка. Пришло время выйти из тени.

-8-

Мы втроем гипнотизировали иголку в ее руке, будто она сама должна вдруг вспыхнуть и пролиться кровью. Но ничего не происходило. После шумного вздоха я, наконец, решилась ее принять. Сглотнула. Что-то я не была готова к сегодняшним подвигам.

– Я пойду ее помою, наверное.

Роза ухмыльнулась. Алекса смотрела на меня со смесью удивления и неверия. Да уж, я тоже не верила, что добровольно соглашаюсь на *такое*. Ушла в душевую. Помыла

иголку. Муза, это ж надо себя уколоть теперь! Руки дрожали, но я сделала легкий выброс и... не проколола кожу. Кажется, мне снова нужна помощь Розы.

Пока я сражалась с трусостью, подруга приготовила необходимое: бумагу, свое изобретение и стакан для сбора.

– Я тебе сейчас сделаю несколько щеточек, не таких пышных – для мелких деталей. Ты пока с этой потренируйся.

– Розы, проколи мне палец, я боюсь сама.

– Ой, Мад, не заставляй меня делать это.

Я посмотрела с надеждой на Алексу, но та сразу замотала головой:

– Я боюсь уколов!

Что ж... Порой грязную работу нужно делать самой. К этому мне не привыкать. В нашем семейном кафе я убиралась в течение дня, после закрытия и перед открытием, если что-то не разглядела ночью от усталости. Пожалуй, проколоть палец в тысячу раз не так противно, как вернуться к уборке кафе. И я с силой вонзила иголку в кожу. Выдохнула: попала в нужное место, кровь потекла по пальцам.

– Держи, – Розы подсунула мне под руку стакан, и я надавливала на палец, чтобы побольше вытекло.

– Жуть какая, – пробормотала Алекса, но взгляд не отвела. Я думала, она окажется более тонкой натурой. – И сколько надо выдавить?

– Сегодня немного, – ответила за меня Розы. – А вот завтра узнаем.

– А ты вообще думала, каким образом светотени передать кровью? – Алекса все поняла по моему вытянувшемуся лицу. – Понятно...

– Я как-то в своих фантазиях еще не дошла до этого момента, – призналась я.

– Так и знала, что логику ты тоже провалишь.

– Алекса! – шикнула на нее Роза. – Мы сейчас не логику оцениваем. Мад – новатор! Она не может предвидеть все и сразу.

– Ладно, ладно. Вам повезло, что у вас есть я, – улыбнулась Алекса и театрально поправила свои карамельные локоны. Кажется, она бросила сама себе интеллектуальный вызов, мне это только на руку.

На мой взгляд, крови я выдавила достаточно, но, когда опустила сухую щеточку, она вобрала в себя всю жидкость разом. Я застонала. Придется себя еще раз уколоть!

На мгновение, пока я несла щеточку к бумаге, мы все перестали дышать. Коснулась. Провела линию, усилила нажим. Густой красный цвет очень красиво ложился на бумагу. Муза! Чтобы мне передать такое карандашами, нужно было потратить не меньше пяти минут! Втроем мы заворуженно смотрели на результат.

– И... Есть идеи, как эту светотень передать?

– Плюнь туда, – снова выдала Алекса. Мы с Розой покосились на нее.

– И не надо на меня так смотреть. Мад хочет жизни. Слю-

на вполне себе жидкость из ее тела, – она поежилась. – Вот тебе и концентрация жизни!

– Действительно... Стоит попробовать, – кивнула Рози.

– Спасибо, Алекса! – и заслужила снисходительную улыбку красавицы и отличницы.

Я снова уколола себя, снова выдавила кровь, плюнула. Помешала щеточкой и аккуратно нанесла. Пигмент действительно стал светлее!

– Алекса, какая ты умница!

– Теперь надо выяснить, как быстро она сохнет, – уверенно заявила Алекса, словно была моим наставником по сумасшедшим опытам. Рози ухмыльнулась тому, как быстро получилось втянуть девушку в нашу затею. В мою затею.

– У меня есть план, – объявила Рози. Дождалась, пока захватила наше полное внимание и продолжила, – выдавливать кровь надо не всю сразу, а порционно. К завтрашнему дню я подготовлю еще несколько щеточек, чтобы для каждой пропорции у Мад был отдельный инструмент. Кровь разделить по трем стаканам: в первом чистая кровь, во втором пятьдесят на пятьдесят со слюной, а в третьем больше слюны и минимум крови для прорисовки светлых участков. Годится?

Мы кивали. Не уверена, что я бы справилась без подруг.

– Ну все, теперь пора отдыхать! – Рози была как никогда довольна собой. Мы спрятали все следы экспериментов в мою тумбочку и начали готовиться ко сну.

Утром по-прежнему хотелось перемотать время до вечера. Трехчасовой испытывавший мое терпение практикум у профессора Илии особенно страшил. Он бросал на меня какие-то любопытные взгляды (неужели моя новая прическа его так заинтересовала?), как будто никто из пятидесяти студентов больше не занимал его мыслей. Сегодня мы рисовали шкаф: каждый в своем понимании. Навешанный шкатулкой, мой образ шкафа был декорирован цветочным орнаментом по всей длине дверей, а ручки были изображены в виде маленьких цветов с круглыми лепестками – я решила упростить их конструкцию для своего же блага.

Профессор никогда не давал срисовывать с натуры, видимо, так развивал наше воображение для будущей работы. Парням такие задания давались сложно: то и дело их низкие голоса звучали то слева, то справа, и каждый раз я вздрагивала, повторяя себе, что это не Крис. Мне не нравилось, как моя трусливая душонка на него реагировала. Чтобы отвлечься, я подсмотрела, что создала Роза, и мне очень понравился ее вариант: со скругленными углами и сгибами, шкаф был каким-то уютным и сказочным.

В мою сторону не прилетел ни один комментарий: кажется, между мной и профессором установилось перемирие. Но шкаф и правда получился отличный! Я не увидела в нем своих обычных ошибок с плотностью теней и контрастами.

Окрыленные успехом – пусть даже и непризнанным – мы

пообедали куриным супом с крупой и морковью, перехватили по булочке с яблоками и наслаждались жизнью в большом зале. Рядом сидели Кайли, оттиравшая следы карандаша со лба, Кассия, в чьи руки давно въелись все цвета радуги, и Лара, педантично чистая. Обед прошел под гул голосов со всех сторон: на повестке дня были смотры и ничего кроме них. Периодически в главный зал влетали голуби и кому-то доставляли письма.

– Как дела с проектом? Все готовы? – Кайли помешивала вишневое варенье в чае.

– Это не смотры, а шило в заднице, – Кассия ковыряла радужную грязь под ногтями. – Но я еще на прошлой неделе все доделала.

– Ух ты! Как ты так быстро работаешь?

Кассия ухмыльнулась:

– Когда есть дела поважнее, то и работа идет быстро.

– Поважнее? – удивилась Роза, но вовремя сообразила, на что намекала Кассия, и покраснела, слившись с красным шейным шарфом, который она повязала, чтобы разбавить черноту формы.

– Я бы не уповала на скорость, – ответила Лара. Она казалась мне всегда собранной и прямолинейной. Уж если она поставит себе цель, то непременно придет к ней.

– Ой, только давай без нравоучений.

– Хорошо, это твое дело.

– Вот именно, – раздраженная Кассия одним глотком осу-

шила чашку, схватила свою папку и умчалась в коридор.

– У них что разногласия с парнем? Как его там зовут... – удивилась Кайли.

– Нил, кажется. Видимо, снова поругались, – пожалала плечами Лара. – А что у вас с Крисом, кстати?

Я подавилась булочкой, и Рози ответила вместо меня:

– Непонятный тип какой-то, мы с Мад держимся от него подальше.

– Хм... Со стороны и не скажешь, – задумалась Лара, – а мой проект почти готов. Сегодня буду шлифовать его. А что у вас?

– Мой тоже готов, – засияла Рози.

– Мой почти, – пробормотала я. Пока что я не осмелилась посвятить всех остальных в свою задумку.

– Мы как обычно вместе развесим свои проекты? – уточнила Кайли – уютное облачко нашей колючей компании. Рози глянула в мою сторону и кивнула. Согласилась за нас двоих.

Лекция по психологии красного тоже прошла спокойно. Нам задали подготовить доклад о том, как красный стал ключевым в творческом становлении любого из Королевских Творцов. Этим можно будет заняться на выходных, как раз после пятничных смотров. «Если я их пройду», – поежилась я. Риск становился осязаемым.

За ужином меня так мутило от страха, что я осилила только половину порции. Рози заставила доесть все, чтобы были

силы. Мои жалобные взгляды не сработали...

В свободный зал мы так и не пошли. Рози сказала, что своими плевками я привлеку много внимания. В чем-то она была, конечно, права, но подозреваю, что подруга просто хотела комментировать все происходящее.

Удивительно, но в гостинной все были в сборе: кто-то страдал ничегонеделаньем, кто-то делал вид, что сильно занят. И все как-то странно замерли, когда мы вошли. Они чего-то ждали.

-10-

– Все ясно. Кто проболтался? – Рози первой оценила ситуацию и уперла руки в бока.

– Алекса, – усмехнулась Лара и бросила взгляд на блондинку, невинно сидевшую в кресле, – и как вы думали скрыть от нас *такое*?

– Не хотела делать вас сообщницами, – мои попытки оправдаться выглядели нелепо.

– Да брось, сумасшествие незаразно, – расхохоталась Кассия. – Так бы и сказали, что не доверяете нам.

– Да, девочки, это не по-дружески, – добавила Кайли.

– Я не хотела подвергать вас риску...

– Все, что нам грозит, это стоять и краснеть за твою выходку, – уточнила Лара, – но! Мы бы краснели, если бы нам ничего не сказали. А теперь мы все знаем. И просто сделаем вид, что все идет, как задумано. Да, девочки?

Все закивали. Алекса закатила глаза:

– А я-то надеялась, что ты их образумишь, Лара.

Та поморщилась:

– Я не одобряю. Но препятствовать не стану. В искусстве давно не появлялись реформаторы. Я даже не могу припомнить, чтобы о чем-то подобном слышала. Даже если Мад страдает, Мад, прости, но я должна была это сказать: это запустит волну изменений и открытий. И это наш шанс войти в историю.

Алекса хлопала глазами:

– Вот уж не думала, что ты такая честолюбивая. И тебе не жалко Мад?

– Жалко. Всегда кто-то идет на жертвы, – она отвела глаза и сглотнула.

– И ты...

– Остановитесь! – прикрикнула Роза, – мы уже все поняли. Если вы хотели посмотреть – смотрите и не мешайте. Со своими грандиозными ролями разберетесь без нас. Мад надо работать.

Мы достали инструменты, подготовили чистые листы. По-други, как зрители уличного театра, замерли в ожидании представления. Я привычно – с каких пор это стало привычно, не знаю – проколола палец и нацедила с наперсток крови.

– От светлого к темному? – уточнила Лара. Я кивнула: карандаш использовать нельзя, кровь его не перекроет, поэтому сначала нарисую основу слюной и небольшим коли-

чувством крови, а потом начну затемнять по слоям. Так мы работали с карандашами, этот же принцип я решила задействовать и с кровью.

Большой щеточкой – самой первой, которую сделала Роза – я задала общую квадратную форму едва заметным розовым цветом. Непривычно было работать таким мягким инструментом: карандаш точно слушался художника, а щеточка порой капризничала. И мне нужно было научиться управлять ею. Казалось, что все девушки в гостиной перестали дышать – волнительно было наблюдать за рождением совершенно нового стиля в рисовании.

Я порадовалась тому, что перед глазами у меня была черно-белая версия. Это очень упростило работу: срисовывать – не выдумывать. Поэтому с замиранием сердца и дыхания я нанесла основу для маков, аккуратно сформировала ножки из плюща.

– Это сложнее, чем я думала, – прошептала я, когда первый слой был завершен. За это время я несколько раз плевала в стакан и смешивала с кровью. Мне кажется, что в Школе еще никогда не было так жарко. Еще мы выяснили, что кровь не сразу сворачивается, и это очень обрадовало Розу.

– Мад, это невероятно, – прошептала Кайли.

Второй слой был более насыщенным, но все еще не густым темным. С ним я работала еще дольше и несколько раз приходилось сцеживать кровь. Лепестки приобрели свою форму, плющ уверенно вился по стенкам шкатулки, а сама

шкатулка приобрела плотность. Я не верила тому, что у меня получалось. Приходилось контролировать все: движение, дрожь руки, дыхание, рану на левой руке (чтобы не испачкать лист) и даже эмоции. Хотелось бежать, лететь, плакать от того, что я создавала.

Нужно было дать время просохнуть и второму слою, что подарило мне передышку. Я закрыла лицо руками и выдохнула. Все тело дрожало. Меня мутило. Это и есть нервное перенапряжение?

– Мад, осталось немного, соберись, – попросила Роза. Я знала, что все они переживают за меня. По разным причинам, но все они здесь рядом для меня. И я была им благодарна за это. Я вздохнула несколько раз, стараясь успокоиться.

– Однажды моей сестре понадобилось переливание крови, – неожиданно начала Кайли, ссутулилась и тихо добавила, – знаешь, я считала, что совершила подвиг... Но теперь смотрю на тебя и... Мне кажется, что героиня – это ты.

Лара погладила ее по спине.

– Все мы героини. Каждая по-своему.

Для финишного слоя нужно было еще больше крови. Еще. Больше. Крови. Я знала, на что иду, но одно дело знать, а другое – колоть пальцы и сцеживать кровь раз за разом. Финишный слой. Мазок за мазком я уточняла объем, углубляла тени. Маки загорелись красным, будто засияли на солнце. Плющ натурально вился вокруг.

Шкатулка могла вот-вот материализоваться в моих руках

– настолько живой я ее ощущала. На секунду мне показалось, что она, настоящая, уже лежала на бумаге, будто пространство растянуло свои слои, а время замерло, чтобы я могла ее пощупать. Но я моргнула, ледяной порыв обдал лицо, видение исчезло, а меня бросило в жар. Я отложила щеточки. Страшно было прикасаться к работе, чтобы не испортить. Взглянула на изображение еще раз. Я нарисовала... Голова кружилась от слабости и переутомления, я попробовала задержать уплывающее сознание, но нечаянно сделала это левой рукой, и на лбу появились кровавые следы, очень душевно стало в гостинной.

Слезы защипали глаза. Сдерживаться я уже не могла. Кровь, пот, слезы, слишком горячий коктейль эмоций, который рвался наружу. Девочки подходили меня обнять, и в какой-то момент у нас получилось одно большое общее объятие: меня поддерживали со всех сторон, и я завывала в голос. Как же мне хотелось, чтобы бабушка была рядом и сжимала меня, хрупкую тростиночку, в своих объятиях!

– Мад, Мад, все хорошо же.

– Было так больно?

– Это будет разрыв, Мад!

Голоса кружились в голове, сбивались эмоциями и таяли на сердце. Я все еще плакала, когда меня кто-то усадил в кресло и сунул в руки стакан с водой. Пальцы настолько ослабли и онемели, что держать его я не могла.

– Тебе надо отдохнуть. Смотри только послезавтра. Как

раз наберешься сил, – успокаивали подруги.

– Спасибо вам, – шептала я сквозь подступающую темноту. – Я не знаю, как бы справилась без вас...

Они все кивали, а я провалилась в ночь.

-11-

– Думаешь, стоит ее будить? – кто-то тихо говорил над ухом.

– Лучше не привлекать к себе внимания до смотров. Отсутствие на практикуме не пойдет ей на пользу, – в этом занудном тоне я узнала правильную Лару.

– Я вас слышу, – проскрипела я. Во рту пересохло. Попробовала открыть глаза, комната будто плавала в невесомости, не прикрепленная к земле. – Я проспала?

– Нет, но вставать пора, – сочувственно вздохнула Роза.

Вместе с комнатой и я стала шататься, благо Роза вела меня под руку: вся надежда была на прохладный душ! В зеркале я испугалась увиденного: губы потрескались, вокруг глаз темнели круги, а сами глаза покраснели. Куда делось мое фарфоровое лицо без единого изъяна? Я сглотнула. Кое-как умылась и почистила зубы. Симпатичнее не стала. В душ я окунулась с головой: оперлась об стену и стояла несколько минут, не двигаясь.

– Мад, нужно ускоряться, – напомнила Роза.

Я с сожалением выключила воду и вытерлась полотенцем.

– Мне кажется, у меня не хватит сил нарисовать цветную

версию. Мне хочется проспать вечность, а потом... – я за-
жмурилась, не зная, что буду делать после вечного сна. На-
верное, я бы съела самое вкусное пирожное в честь пробуж-
дения. Мысли о еде немного вернули в настоящее.

Хорошо, что Рози меня везде сопровождала. Люди виде-
ли ее яркую внешность, а меня не замечали – сегодня мне
это как никогда было нужно. Рози повязала платок на голову,
усмирив свои рыжие кудри, а в уши вставила пышные цве-
точки из невесомой ткани. Даже такое событие, как весенние
смотри, не мешали ей творить из своей внешности шедевр.

В главном зале я съела все, что только было в порции. Кай-
ли так удивилась моему аппетиту, что отдала свое яблоко, а
одна из близняшек молча протянула половину шоколадки.
Все дары я приняла, не раздумывая.

К залу практикума у профессора Илии мы дошли почти
последними. Увидев меня, профессор встревожился и, ука-
зав Рози на ее место, взял меня под руку и тихо вывел в ко-
ридор.

– Мадлиф, вы... – он помедлил, подбирая слова, – вы об-
щались с кем-то из старших курсов?

– Нет, профессор, – удивилась я. Нестерпимо хотелось
сесть и хоть на минуту закрыть глаза.

– Вы... возможно, вы пытались оживлять что-то?

Я отрицательно качнула головой, все еще не понимая, чем
встревожил его мой вид. О своей галлюцинации со шкатул-
кой я не решилась рассказывать. Надо будет спросить у по-

друг, не замечали ли они странностей вчера.

– Очень странно, – он все еще пристально смотрел на меня. – Ваш проект готов?

– Да, профессор. Вчера доделала.

– Понимаю... – он еще раз оглядел меня. Левую руку я незаметно спрятала в складках формы, чтобы профессор не заметил исколотого пальца. – Что ж, не задерживаю вас более. Возвращайтесь.

– Спасибо.

Пока я пробиралась к своему месту, чувствовала десятки любопытных взглядов, направленных на меня. Миссия «Не привлекать внимания» даже не вступила в действие, а уже провалилась. Но у меня хотя бы получилось дойти до мольберта, не шатаясь!

– Профессор задавал странные вопросы, – Роза нахмурилась, но ничего не ответила.

Слабость по-прежнему не проходила, я с трудом концентрировалась на штрихах. Старалась дышать ровно и глубоко, но голова только больше закружилась. Сегодня точно не мой день. Профессор пару раз проходил мимо меня, но, видимо, из жалости молчал. Зато Роза отхватила комплимент.

– Профессор, расскажите, почему именно после весенних смотров нас будут учить дыханию жизни, – раздался чей-то вопрос.

– А вы сами еще не догадались, Эван? – удивился профессор Илия и поцокал, – молодежь... Предположу, что вы

не слышали о весеннем равноденствии. Поэтому слушайте. Скоро начнется новый цикл жизни. Сама природа будет помогать вам в этом начинании. Осенью было слишком рано: вы были новичками, еще ничего не понимали. Зима – сильнейшее испытание даже для Королевских Творцов... Вас готовили, – профессор многозначительно замолчал, – зато после смотров вы продолжите путь с мощной поддержкой.

Мы с Розы переглянулись. Надо же, никогда не думала, что творчество так завязано на природных циклах! Теперь это складывалось в стройную систему, где все было на своих местах, а весна не только возвращала к жизни наш мир, но и помогала нам в оживлении предметов.

Профессор неспешно плыл между мольбертами и продолжал комментировать работы.

– Мадлиф, прошу, задержитесь, – добавил он, когда все студенты начали собираться. Я помедлила, раздумывая, не раствориться ли в толпе. Но внимательный взгляд профессора не отрывался от меня. Он будто угадал мои намерения.

– Мад, что-то случилось? – Крис вырос из-за спины, укрыв от профессора. Вот только его мне не хватало! Я поежилась.

– Не твое дело.

– Изменения всегда болезненны.

Сегодня все явно соревновались в странностях. Я нахмурилась. Это Крис так отзывался о моих коротких волосах или как всегда что-то прятал за своими фразочками?

– Крис, если ты хочешь что-то сказать, говори нормально, а не загадками, – я начала обходить его стороной, но он перегородил почти весь проход. Почему он такой широкоплечий, Муза его задери? – мне надо идти.

– Если ты завтра планируешь произвести фурор, то тебе надо набраться сил.

Я замерла. Он намекал на вчерашнее? Он что-то узнал о моем эксперименте? Но как? Роза придвинулась ко мне и задрала подбородок. И я тоже решила дать отпор, несмотря на свернувшийся в животе страх, смешанный со слабостью.

– Ты. Не. Посмеешь. Мне. Помешать! – на последнем слове я ткнула пальцем ему в грудь, только потом сообразив, какой это глупый девчачий жест. Крис схватил мою руку – левую! – взглянул на пальцы, удивленно вздернул брови, легко прошелся по следам от уколов.

– Не посмею. – произнес он спокойно, глядя мне в глаза. Теперь у меня получилось их рассмотреть, но открытие не порадовало: темно-зеленые, глаза цвета леса, в котором обитают Музы и все возможные выдуманные существа. А я, получается, стояла на краю этого леса. И получила приглашение войти. – Я жду твоей победы, – загадочно добавил Крис, развернулся и вышел. Зал был почти пустым. Вся сцена произошла на глазах у профессора, отчего я почувствовала себя вдвойне неловко.

– Профессор?

– Я хотел дать вам это, Мадлиф, – он достал из кармана

красной мантии небольшую железную коробочку, отодвинул крышку, наблюдая за моей реакцией. Пряный теплый запах вырвался на свободу. Внутри были сухие листья.

– Вы знаете, что это, Мадлиф? – профессор Илия чего-то ждал. Как будто мое знание или незнание должно оказаться решающим в его подозрениях.

Я качнула головой.

– Это тимьян. – он аккуратно достал один небольшой продолговатый листок и протянул мне, – подержите его на языке, затем пожуйте.

– Но зачем, профессор? – я взяла листок, но в рот не спешила класть.

– Вам должно полегчать после... после того, о чем вы не можете мне рассказать. Я не знаю, каким образом, но вы подошли к черте, после которой художники больше не рисуют.

– Профессор, я не знаю, что вы имеете в виду, – я даже не могла сама себе объяснить, что именно я сделала, и это меня пугало. К каким силам я вчера прикоснулась?

– Я так и понял. Идите, Мадлиф, – спокойно произнес профессор. Он не сердился и не отчитывал меня. И это успокоило. – С нетерпением жду завтра.

-12-

От тимьяна мне действительно полегчало! Головокружение прошло, и уже к началу спортивного занятия я чувствовала себя покорительницей горных вершин. Но так как се-

годня была просто растяжка, я сохраняла энергию на вечер. Розы не комментировала такую скорую перемену, но по ее беспокойным взглядам я поняла, что подарку профессора она мало доверяет.

Расправившись с ужином (запеченные овощи и отбивная, очень вкусно!), мы решили не спешить в наш блок. Нужно было обсудить все те странные слова, что сегодня были озвучены.

– Мне показалось, что профессор знает то, чего не знаем мы, – заявила Розы, хмуря носик. Я закивала. К этому выводу и я пришла. Но о чем он смог догадаться по одному моему виду? И при чем здесь старшекурсники? Ясно, что они владеют магией оживления, но никто не признается, как это все происходит! Как будто мы их не расспрашивали! Кстати, об оживлении...

– А ты случайно не заметила вчера, как шкатулка стала как бы объемной?

Подруга встrepенулась:

– Ты ее оживила?

– Нет же, мы бы это все увидели... Наверное... Но мне было так плохо, и в глазах все троилось. И в какой-то момент она показалась мне настоящей.

– Я ничего такого не заметила, – Розы теребила свои сережки, вспоминая сложный вчерашний вечер.

– Может быть, оживление забирает много сил, и профессор подумал, что я проводила подобные опыты?

– Я не видела студентов с красными глазами в коридорах, – усомнилась Роза. – Но, наверное, ты права. Но как тогда у тебя получилось?

– Это и мне интересно узнать, – вздохнула я.

– А вот Крис меня удивил, – нехотя продолжила Роза.

– У меня мурашки бегут по телу от его обещаний. Не посмею, – передразнила я его. – Павлин напыщенный! Кем он себя возомнил?

– Знаешь, я все думала, откуда он взялся и вообще... – сыскной талант подружки поймал минуту славы. Я не смела перебивать и лишь кивала ее перечислениям. – Для врага он слишком открыто действует. Для друга он слишком загадочный. Для роли парня он, конечно, краси...

– Роза! – я и сама видела, что он красивый, но нельзя же ставить «парень» и «красивый» в одно предложение, если речь шла о Крисе. – Помнишь, как он назвал себя Вдохновителем?

– Это должно что-то значить? Помимо Муз есть еще какие-то существа, и Крис в их числе? Или это тайная секта?

– Мне стоит тоже понаблюдать за ним... – нехотя решила я. – У него было время следить за мной, а я не обращала на него никакого внимания до вечеринки. У него было время изучить меня, а я пытаюсь сложить мозаику его личности из обрывков встреч. Он продумал свои действия наперед, а мне приходится импровизировать. Мне страшно.

– А неизвестность страшит еще больше, – Роза поддержа-

ла мое решение.

В нашем блоке мы застали только Алексу и Кайли. Обе шлифовали описания своих проектов: порой несколько предложений являлись ключевыми в оценке. Мне всегда это казалось дикостью. Как слова могут быть важнее мастерства. Но оказалось, что слова могут усилить внутреннюю суть работы, приоткрыть глубину, чтобы зритель не плавал на поверхности неизвестности. И таким образом пригласить зрителя в диалог. Смотры – это не всегда лишь визуальное касание работ, это общение, дискуссия, это препарирование каждого проекта в поисках смысла.

Я успела набросать лишь несколько фраз для своей шка-тулки в перерывах, но для хорошего описания они негодились.

– Справишься с цветной версией сама? – спросила Роза. Я кивнула и обняла ее. Подруге тоже нужно было заняться своим описанием.

После всего пережитого накануне работа цветными карандашами казалась прогулкой по цветущему лугу – одно наслаждение! Карандаши давали нужный цвет без кропотливого смешивания, делали четкую линию, как и задумано. Привычно и понятно – знакомо, сотню раз опробовано – вот какой была моя работа. Я все делала четко и точно, не отвлекаясь на отголоски боли, которые искала внутри себя. Их не было. Как не было безумного живого трепета и разрывающей пространство мощи от работы. Я не почувствовала ничего,

когда сделала финальный штрих и осмотрела придирчивым взглядом шкатулку. Копия шедевра. Просто хорошая копия. Что-то мне подсказывало, что я была на правильном пути, когда решилась на эксперимент с кровью.

Еще спустя час описание из десяти строк было красиво оформлено на небольшом сопроводительном листе. Я была готова к завтрашним смотрам. Облегчения не наступало – это было временное затишье перед боем, цель которого мне совсем не ясна. Я никогда не хотела совершать открытий. Я никогда не стремилась стать победителем. В меня вложили обязанности и связали обещаниями, даже не желая понять, какая же я на самом деле и хочу ли я идти по тому пути, который был мне начертан. Я не сердилась ни на бабушку, ни на родителей, ведь я и сама не знала, кто я и какой хочу быть. И только в Школе полотно моей личности начало проявлять невидимые линии характера и пятна желаний.

Из задумчивости меня вывел смех вошедших. Я собрала все материалы по проекту в папку, выданную каждому студенту со штампом весенних смотров. На этой была моя фамилия, имя и цифра один – первый курс.

– ...а он мне говорит: не пАстель, а пОстель, и улыбается кривенько так, ну я и врезала ему за оскорбление художников в нужное место, – захохотала Кассия.

– Вы о чем это? – вынырнула Роза из своих записей.

– Мы выбрались в город. Раз уж мы не в темнице, – хлопала Кассия кирпичные стены, – то надо и проветривать-

ся иногда.

– Ух ты, молодцы! Давайте на выходных в лавки мастеров сходим?

– А я предлагаю кое-что получше! – подмигнула Кассия и захватила наше внимание. – В воскресенье будет стихийная ярмарка художников!

– Что-о? Им не страшно проводить такое в столице, рядом со Школой?

– А еще нас пригласили участвовать!

Мы раскрыли рты.

– Значит, в субботу мы готовим картины, а в воскресенье участвуем в ярмарке!

– Кассия, но студентам ведь не разрешают! – прошептала Роза.

– Я слышала, что картины рисуют только неудачники, – неуверенно добавила я.

– Ой, да бросьте! Пара лишних монет нам не помешает, а нарисовать простенькую работу можно быстро. И вообще, мы тут все регулярно нарушаем правила, если вы еще не заметили.

Она была права. О стихийных ярмарках я слышала еще дома на юге и даже была на одной из них: когда бабушка приезжала, мы с ней много времени проводили вместе. В одну из прогулок по городу я увидела, как много-много мольбертов стоят в ряд прямо на улице. Мимо ходили прохожие, кто-то останавливался посмотреть картины, кому-то не было дела

до них. Помню, я тогда потянула бабушку, но она неодобрительно отзывалась о том сборище: достойные Творцы не занимаются созданием рисунков для жилищ людей. Я тогда не понимала ее высказываний, ведь многие картины показались мне красивыми: в основном это были непонятные изображения, в которых интуитивно угадывались предметы. А напротив работ одного художника бабушка даже ахнула: она разглядела в абстракции фрукты и цветы.

– Нельзя рисовать то, что дается нам природой, – я помню, как она ругалась с художником, после чего он схватил свои работы и убежал.

Я не была уверена, хочу ли нарушать именно это правило, ведь оно было напрямую связано с памятью о бабушке. Но идея настолько захватила подруг! Пожалуй, на самую ярмарку стоило бы взглянуть, заодно и развеяться, как сказала Кассия. Девушки о чем-то переговаривались, но я их уже не слушала: умылась, приняла душ и с чистой совестью пошла спать.

Завтра станет решающим днем в моем творческом пути.

-13-

День смотров – хаос, во время которого тысячи людей соприкасаются с творчеством друг друга, дают оценку и спорят о том, кто достоин учиться дальше. Это организованный хаос, который длится весь день, потому что тысячи студентов Высшей Школы Творцов всех курсов представляют проекты.

Семь этажей южного корпуса на один день становятся ульем с жужжанием, жалящими словами и тягучим как мед чужим мнением, в котором можно утонуть.

Часть мольбертов парни передвинули вплотную к стене, остальные расположили по залу в несколько рядов «спина к спине», чтобы выстроить широкие проходы для зрителей. Просторные коридоры тоже заставили мольбертами. После этого мы прикрепляли на планшеты свои проекты: черно-белые и цветные версии, описание. Кто-то прикреплял эскизы, чтобы показать процесс работы над проектом. Творческий подход поощрялся: особо креативные даже сочиняли мелодии или придумывали задачки для зрителей для большего погружения. Я решила прикрепить щеточку к планшету.

Мы с подругами разместились в зале на втором этаже – таком же обезличенном и светлом, как те, в которых проходили наши занятия. Первокурсники первыми попадали под волну критики, поэтому никто из нас не мог отойти от своего мольберта как минимум до обеда. По опытам осенних и зимних смотров я знала, что потом напряжение спадет, и можно будет посмотреть работы старших курсов. Эта часть нам с Розы нравилась больше всего: мы специально взяли с собой эскизные блокноты, чтобы записывать свои наблюдения и делать зарисовки.

Но сначала нужно было пережить несколько часов внимательного – критичного, обнажающего душу – осмотра. Я глубоко вздохнула, когда закончила прикреплять свои работы

на планшет.

– Ты как? – спросила Роза. Она тоже все подготовила.

– Не знаю, – и это был самый честный ответ. Роза выдавала улыбку: она и сама чувствовала то же, что и я. Восторг, трепет, страх, надежда. Я огляделась. Алекса о чем-то болтала с Ларой. Рядом с Кассией стоял ее парень и держал последний лист. Кайли растерянно обводила взглядом зал. Мы с ней встретились глазами и улыбнулись друг другу. Близняшки были как обычно тихими и незаметными. Остальных я не увидела в толпе суетящихся студентов. Зато увидела Криса: он стоял спиной к залу, загораживая свой проект, но его черные вихры выдавали тот же беспорядок в душе, что творился у всех. Почувствовав мой взгляд, он обернулся, кивнул мне и снова вернулся к своей работе. Приготовившись защищаться, я будто осталась единственным воином в доспехах посреди пустого поля. Он не собирался сегодня атаковать. Эта мысль поразила меня до дрожи в ногах.

В зал вошел профессор Илия и объявил пятиминутную готовность. Этой фразой он разбудил всех Муз в лесу – так громко внутри себя мы начали просить их о помощи. И когда? Утром! Хотя все знали, что их время – ночь.

Кто-то сказал, что сам Создатель – Король и директор Школы в одном лице – будет среди зрителей. Новая волна страха завибрировала среди нас.

– Если никто из студентов не знает, как он выглядит, есть ли смысл волноваться вообще? – спросила Роза. Голос ее

разума никогда не спал.

– Мы даже не знаем, сколько ему лет, – добавила я. И это было правдой. О нем я слышала с детства от родителей. Но бабушка никогда не упоминала о своем знакомстве с ним, хоть и была одним из Королевских Творцов. У него мечтал учиться почти каждый студент Школы. Мы знали только его имя – Саир. Какое-то короткое и непонятное для особы столь значительной.

Смотры начались: в зал хлынула толпа из профессоров и старшекурсников, каждый из них подходил к проектам, вчитывался либо заговаривал с их авторами. Я нацепила на себя спокойную улыбку. Очень не хватало клейкой ленты, чтобы зафиксировать это выражение на лице.

К моему мольберту подошел незнакомый профессор. Его седые волосы и бледное лицо необычайно контрастировали с темно-синей мантией. У меня сердце замедлялось все те секунды, пока его доброжелательность превращалась в озадаченность. Я старалась дышать глубоко, чтобы не выдать свой страх.

– Я буду рада рассказать о своем проекте, – фальшиво улыбалась я, надеясь, что со стороны выгляжу дружелюбно.

Профессор глянул на меня и снова вернулся к проекту. Теперь он уже не просто был зрителем: он приблизился вплотную к мольберту, будто не верил глазам. Я уловила обрывки «порази...», «вопию...» и «как смогла», но боялась делать какие-то выводы. Я всеми силами старалась спокойно

улыбаться и прямо стоять. Сжатые в кулак пальцы за спиной – единственное, что выдавало тревогу. Профессор выпрямился и уставился на меня.

– Вы это сами придумали?

– Да, профессор.

– Кто вам помогал?

– Моя подруга, Роза, – показала я на нее, – придумала щеточку, когда я озвучила свою идею.

– Кто вам помогал рисовать?

– Никто, профессор. Я сама реализовала проект от идеи до, – указала на планшет.

– Создатель, – прошептал профессор и кинулся прочь. Мы заозирались по сторонам, но никто не подходил под образ Короля.

– Это было просто восклицание, – догадалась я. – Что его так испугало?

Роза стояла бледная. Возможно, сбывались наши самые страшные опасения. Несколько старшекурсников задержались у наших мольбертов. Роза получила заслуженные комплименты, а я – присвистывание, изогнутую бровь и смешок.

– Отчаянная ты художница, – покачал головой один шестьюкурсник, одетый в бледно-серую мантию. Но ушел, ничего не объяснив.

Подошла молодая женщина, тоже в мантии профессора. Ее сложносочиненная укладка из волос даже не качнулась, пока женщина разглядывала шкатулку. Я надеялась, что хо-

тя бы один из них оценил оригинальное исполнение. Но она лишь просверлила меня взглядом:

– Работа кровью однозначно лучше своей сестры. Очень любопытно, – и больше ничего не объяснив, она направилась к мольберту Розы.

Я слышала, как рядом со мной профессор в желтой мантее спрашивает Джо о его работе – практичном корсете для спины, который поддержит во время многочасовой работы. Потом он перешел к моему мольберту и воскликнул:

– Кровью нарисовано?

Воскликнул так, будто это был единственный звук в зале, разорвавший тишину, и все обернулись на нас.

– Да, профессор. Я верю, что это сделало мою работу еще более живой.

– Живой? – снова воскликнул он, будто его голос разучился звучать на других высотах. Короткие волосы у него на голове встали дыбом. – Это же преступление против природы!

Я получила первое обвинение. Я выстояла, а он ушел к другим студентам. Теперь уже все захотели посмотреть на скандальный проект. Вокруг меня образовалась толпа из студентов, но я лишь искала глазами Розы, мою единственную надежду пережить этот день.

Вернулся бледнолицый профессор в сопровождении профессора Илии. Они растолкали старшекурсников со словами: «Идите по своим делам, еще много залов надо посетить». Оба замерли возле меня. Первый молча указал на планшет.

Профессор Илия вчитывался в каждую строчку, всматривался в каждый лепесток шкатулки, написанной кровью.

– Да, теперь я понимаю, что довело вас до почти-выгорания, Мадлиф, – наконец шепнул профессор. – Оказывается, вы не просто приблизились к оживлению... Нет, – горестно добавил он. – Вы замахнулись на работу гораздо выше ваших текущих способностей. Вы это сделали, но какой ценой... и какими последствиями.

– Илия, подтвердите, это возмутительное нарушение правил! – не выдержал бледнолицый.

– Я безмерно рад за вас и... да поможет вам Создатель, Мадлиф, – он потер глаза и повернулся к собеседнику. – Значит, за нарушение правил она понесет ответственность, – заключил профессор Илия.

– Совет этого так не оставит!

– Я знаю, Тео. Идемте, вы еще не всех посмотрели.

Я получила второе обвинение. Значит, меня исключат из Школы. Только бы не заплакать. Только не здесь! Я не заметила, когда участилось мое дыхание: видимо, еще в самом начале, когда бледнолицый профессор Тео ушел в первый раз. Попробовала дышать глубже. Если меня исключат, мне не будет стыдно: я была на пике своего мастерства. Мой проект – ладно, даже если учитывать только карандашные версии – отлично нарисован! Мне не о чем было жалеть!

Я так и стояла у своего мольберта, уже без улыбки, похожая на восковую статую – прежнюю незаметную Мадлиф.

Рози подошла ко мне и взяла за руку.

– Роза, – прошептала я, – у тебя помада с собой?

Ее глаза расширились от удивления, и она молча потянулась к сумочке. Достала помаду и нанесла мне легкими прикосновениями свой любимый винный глубокий оттенок. Это был первый раз, когда на моем ахроматическом лице появился цвет.

– Держись, Мад, – шептала подруга, – не показывай, что тебя задела их критика.

Это придало мне сил. Я что-то автоматически отвечала про кровь, про свою смелость, про щеточку. Я видела сотни эмоций на лицах студентов. Я чувствовала их страх, их растерянность, их зависть, их неспособность бросить такой же вызов. Их слабость тоже укрепила меня. К обеду тысяча мнений слепили из меня новую Мад.

Но главные испытания были еще впереди.

-14-

Многие первокурсники, наконец, влились в ряды зрителей: пришло время смотров работ старших курсов. Алекса, Кайли, Лара по очереди подошли и обняли меня. И разбежались по залам. Я заставила Розу пойти за ними и подсмотреть для нас идеи и проекты. Она сопротивлялась, но мои обещания быть сильной убедили ее.

В нашем зале гуляли другие первокурсники, уставшие, но любопытные. Я повернулась к своему мольберту, впервые за

весь день осталась лицом к лицу с шедевром, перекроившим мой путь в ряды Королевских Творцов.

– Садись, отдохни, – раздался глубокий голос из леса. Крис где-то нашел для меня стул и аккуратно усадил. У меня не было сил ни бояться его, ни сопротивляться. Все это как будто осталось в прошлой жизни. – Тебе не грозит отчисление, успокойся.

– Откуда ты знаешь? – я все еще смотрела на злополучную шкатулку.

– За мастерство не исключают, – усмехнулся парень. Я ему не поверила. – Как тебе роль революционера? – он, наконец, получил возможность рассмотреть мою работу. Мне казалось, что это не шкатулку он разглядывает, а мою душу.

– Опустошает.

– Да? – его удивление не казалось поддельным. – Хотя, да. Понимаю, – он заметил цвет у меня на губах и улыбнулся, – перемены тебе к лицу.

Я, наконец, отважилась посмотреть ему в глаза, но не нашла там издевательств. Только честное мнение. И знание того, что именно он запустил революцию.

– Не хочешь посмотреть на мой проект?

– Не особо.

– Ладно, сейчас покажу.

Он принес планшет и держал его на уровне моих глаз, пока я пробегалась по рисунку. Какое-то замысловатое устройство непонятного мне назначения. Судя по описанию, оно

должно было измельчать и нагревать семена льна для получения масла. Я перевела озадаченный взгляд на Криса:

– Для этого есть ручные прессы. И масло получается отличное.

– Для моих целей этого масла недостаточно, – объяснил Крис. Его нисколько не расстроил мой намек на то, что он изобрел ненужное устройство.

– А что у тебя за цели?

Он еще шире улыбнулся.

– Я расскажу тебе, когда придет время.

– А, снова загадки, – покачала я головой, – узнаю старого и недоброго Криса.

– С чего бы мне быть недобрым? – удивился он и, бросив взгляд на стул, который мне принес, ушел к своему мольберту. Вернул планшет на место и вышел из зала.

Теперь наступила настоящая передышка. В наш зал почти никто не заходил. Сейчас, скорее всего, уже отсматривают пятикурсников. Я незаметно для себя смирилась с мыслью об исключении и просто сидела в ожидании приговора. Это казалось непривычным: никуда не торопиться, ни о чем не беспокоиться. Снова явился Крис и протянул мне двойной бутерброд с сыром, овощами и зеленью. И булочку. Это настолько противоречило его образу, что в моей голове промелькнула шальная мысль: он хочет устроить мне легкую смерть с помощью яда.

– Не отравлено, – усмехнулся он, верно уловив вопрос.

– Это было бы слишком легко, да?

– Не для меня.

– При чем здесь ты-то? – не поняла я, но он не стал уточнять. Впрочем, как всегда. Поколебавшись, я все же взяла бутерброд. В животе очень вовремя заурчало.

– Разве в главном зале сегодня накрывали обед?

– Нет, но там всегда делают такие закуски. Ты не знала?

Я качнула головой. Не знала...

– А ты как узнал?

Он пожал плечами, словно это была общеизвестная информация. Я не стала продолжать разговор. Я вообще так устала, а до конца смотрев еще часа три или четыре нужно дотерпеть. Потом сборы, последняя ночь в Школе и возвращение домой. Никаких эмоций по поводу происходящего внутри себя не нашла. Была лишь пустота, которую медленно заполнял бутерброд.

– Ты уже определилась со специализацией?

Я успела забыть о том, что Крис все еще был рядом. Обсуждение будущего с ним казалось каким-то сюрреалистичным. Я, верно, попала в сказку или, возможно, уснула, и эта версия парня с глазами цвета леса была удивительно дружелюбной. Я проглотила последний кусочек бутерброда и взялась за булочку. С каким-то заторможенным осознанием поняла, что он ждет от меня ответ. Но, Муза меня вдохнови, что я должна ответить? Булочка оказалась маковой, совсем как из детства – теплой и солнечной, и я зажмурилась, оку-

наясь в воспоминания.

Чьи-то быстрые шаги нарушили тишину.

– Мадлиф, – раздался голос профессора Илии, – пойдемте.

Я открыла глаза, отрешенно понимая, что для меня смотры завершатся прямо сейчас. Розы где-то пропадала. Мне вдруг захотелось ее сильно-сильно обнять и услышать слова поддержки. Обхватив саму себя руками, я встала и последовала за профессором. Крис молча пошел за нами. Прекрасно, он станет свидетелем моего провала...

Мы вышли из коридора в башню, приблизились к одной из платформ, доставляющих к верхним этажам, и ступили на нее. Никогда раньше я не взлетала с такой скоростью! Если бы не перила, я бы не удержала равновесие и свалилась бы с платформы прямо к основанию магического Столба. От высоты закружилась голова и перехватило дыхание. Прямо из темных глубин цвета мы летели через весь цветовой спектр к светлым оттенкам. Это завораживало...

На предпоследнем этаже, почти под самой крышей, платформа мягко замедлилась и остановилась. Столб лился мягким сиянием прямо в куполообразную линзу крыши. Хотелось раствориться в этом потоке и разлиться магией на весь Амфион.

– Идемте, Мадлиф, – профессор уже сошел с платформы. Крис стоял позади него. Наши черные мантии первокурсников были явно лишними здесь.

Мы прошли в один из блоков, который оказался просторным залом с огромным столом из светлого дерева и стульями с обивкой цвета нежного крема. За столом сидели люди: двадцать, тридцать человек? Я не стала считать, сколько палачей захотели высказать свое мнение. Все они были разного возраста – мужчины и женщины в цветных однотонных мантиях, а во главе стола напротив окна сидел в переливающейся радужной одежде мужчина, приковавший мой взгляд. Он был удивительно молод для Создателя – лет тридцать или тридцать пять на вид и без ожидаемой бороды. Так вот как выглядела загадочная мечта всех студентов. Меня смутил его пристальный взгляд, переходивший с меня на Криса и обратно, и я уставилась в пол. Мне не нравились все эти люди и их возмущенное молчание.

Профессор Илия опустил на пустой стул с края стола и тоже замер в ожидании. Неожиданно я почувствовала, как Крис встал позади меня и приобнял за плечи. Я дернулась, будто живительный ток пробежал по венам, вырвалась из кокона, в котором спали все мои чувства и мысли, задышала полной грудью, хотела еще вырваться из объятий Криса, но в это время заговорил Создатель.

– Вы знали, что отступаетесь от главного правила творчества и отдаете свои силы живописи.

Какое новое и красивое слово я только что услышала. Живопись... Писать живое? В его речах оно означало что-то непозволительное и опасное.

– Вы знали, что художники творят только теми материалами, над которыми имеют полную власть и контроль.

Знала и рискнула покорить неизведанные просторы, которые открывала моя идея. Крис сжал чуть сильнее объятия, заставляя прямо держать голову и спину.

– Мы обсуждали с Советом ваш поступок. За подобное отношение к правилам вас нужно исключить из Школы, – я замерла. Сердце пропустило удар. – Но мы оценили ваш талант. Работа в цвете показала высокий уровень. Мы даем вам шанс исправить ошибку и вернуться на правильный путь. Вы должны пройти лечебный курс, который умиротворит ваш характер и вернет вам прилежность. С новой недели вы сможете вернуться к занятиям.

Профессор Илия смотрел на меня по-отечески, с сочувствием и тоской. Меня качнуло назад, но Крис вплотную уперся в спину и яростно прошептал:

– Не смей сдаваться, Мад.

-15-

Бессонными ночами каждый художник порой задумывается, как выглядят Музы, которых он так самоотверженно призывает на помощь. Кто-то считает их духами, кто-то уверовал в образ женщины неопишуемой красоты, кто-то видит их в одиноких птицах, которые вдруг сядут на подоконник и уставятся немигающим глазом в душу.

Мне хотелось бы верить в Муз. Но стоя черным пятном

в светлом зале под прицелом чужих взглядов, приговоренная к неизвестности, чтобы изменить мою личность, я обрела Хранителя. Он не был бережным к моим чувствам. Он не заплетал меня в радужный кокон безопасности. Он разбил форму, в которой я законсервировала свою жизнь. Весь год после смерти бабушки я тонула в тихих темных водах озера своей души. Он пришел, чтобы помочь мне выплыть.

Как он назвал себя в самом начале? Вдохновитель?

Тот, кто вдохнул в меня силы.

Крис.

Я ощущала его спиной. Его злость, его дыхание, его поддержку. Зачем я боялась его? Я задышала спокойнее и глубже, когда пазл его личности сложился. Я готова пройти через испытания Создателя, я сохраню свою личность любой ценой. Я не потеряюсь снова, ведь тот, кто окунул руку в темную сторону моей жизни и вытащил из скорби, стоял за моей спиной.

– Я принимаю ваши условия.

– Тогда вас проводят в лечебные палаты, – кивнул Создатель.

Незнакомая женщина с острым лицом и короткими волосами в мантии винного цвета поднялась, кивнула нам и прошла к выходу. Мы так же молча последовали за ней. Крис не убирал горячих рук с плеч, но держался на небольшом расстоянии.

Мы спустились на платформе до первого этажа – туда, где

коридор башни начинал разветвляться на северный и южный крылья. Но вместо того, чтобы пойти в светлое южное крыло, женщина в винном последовала в темное северное. Здесь не горели световые шары, и уже спустя пару метров очертания дверей еле угадывались среди стен. Я никогда не заходила в это пространство даже из любопытства. Интересно, а Крис тоже здесь впервые? Всю дорогу я ожидала от него фразы в духе: «Зачем ты согласилась на лечение?», но ее не последовало. Он просто тенью шел позади.

Я считала двери. Мы остановились напротив пятой с правой стороны. Незнакомка распахнула ее, и мягкий свет немного рассеял тьму. Она вошла. Мы последовали за ней и попали в просторный зал с кроватями вдоль стен. Каждая пряталась в отдельной нише, огороженной тканевым занавесом. Нас встретила седовласая женщина в белом – единственная, кто улыбнулся мне за последний час.

– Здравствуй, дорогая, – она удивленно посмотрела на Криса и склонила голову набок. – Вам тоже нужно вылечить душу, молодой человек?

– Я могу здесь остаться? Помогать вам, – я закатила глаза, но оценила его предложение.

– Ох, нет, молодой человек, вам не понравится зрелище, – от этих слов холод пробежал по спине, и я мгновенно передумала.

– Что... – я прокашляла вдруг осипшее горло, – что вы со мной будете делать?

– То, что желает Создатель, чтобы вернуть вам творческие силы, моя дорогая, – сказала она мягко, но я уже в каждом слове искала подвох.

Женщина в винном молча удалилась. Седовласая бросила взгляд на Криса, намекая, что ему тоже пора, и пошла готовить мое спальное место. Я развернулась к нему. Он понял мои молчаливые просьбы.

– Я передам Розы.

– Спасибо. За все, – он долго смотрел на меня, затем кивнул и ушел.

Мне отвели кровать рядом с окном, которое выходило на лес. Я никогда не была на этой стороне Школы: наш блок, залы практикумов выходили на город. Конечно, я знала, что где-то рядом со столицей есть лес, но я не знала, что Школа стоит у его границ.

– Отдыхайте. Лечение начнется завтра.

– Простите, а у вас не найдется бумаги и карандашей?

– Конечно-конечно. Очень любишь рисовать, деточка? Все художники любят, для этого я и храню здесь ваши материалы.

От слова «рисовать» меня пробрало. Только не в стенах лечебных палат, где меня собираются лишить самого главного, что я с таким трудом нашла в себе: моей смелости. Я хотела записать, сохранить для себя воспоминания о том, какой я была сильной, чтобы снова вспомнить. Мне принесли необходимое.

– А можно узнать, как вас зовут? – осмелела я, с благодарностью сжимая карандаши.

– Гая, деточка. Доброй ночи тебе.

Доброй... Она действительно думает, что и день завтра будет добрым? Она опустила занавес, оставив меня одну. За окном начинались сумерки. Если бы не бутерброд Криса, я бы страдала от голода и одиночества. Сейчас же просто от одиночества. Я положила листы на подоконник и начала писать, всхлипывать, рассказывать бумаге все-все трепетные события, плакать. В каждом своем решении я видела неотвратимые последствия, которые меня привели к этой минуте в лечебной палате. Я подумала, что нужно составить себе план действий на случай, если замечу последствия курса. Но план не блистал гениальными идеями: в нем оказались три слова «Записи», «Рози» и «Крис». У меня не было сил иронизировать над тем, куда повернули наши отношения с ним. У меня вообще не было сил, я оперлась на подоконник, надеясь понаблюдать, как загораются звезды над лесом, но в какой-то момент уснула.

-16-

Я резко проснулась то ли от навязчивого сквозняка, который не просто дул в щель, а тянул пряди волос обратно к окну, то ли от внутреннего настойчивого «Ма`лиф». Сквозняк сразу же присмирел и обвился вокруг запястья, утягивая к окну. Не совсем понимая, что от меня хотел ветер, я спря-

тала свои записи под подушку и выглянула из укрытия: старушки не было видно, в палатах стояла тишина. Сквозняк напомнил о себе: обвился вокруг талии и легко потянул к окну. Что сейчас происходило?

Подумав, что это Муза так настойчиво пыталась ко мне прийти, я аккуратно подняла щеколду окна и открыла его: снаружи никого не было. Что ж, значит, не Муза хотела ко мне пробиться сквозь ночь. Тогда что? Ветер ворвался, не дав мне додумать до конца. Он почувствовал, что преграды больше нет, обхватил меня сильнее за талию и потянул наружу. Я пыталась удержаться за стены, но порыв был таким сильным, что я вылетела из окна прямо на землю. Не дав мне оправиться, ветер потянул меня в лес.

У меня всегда хватало здравого смысла не соваться ночью в незнакомые места, тем более без компании. Но кто меня спрашивал сейчас об этом? На небе не было ни облака, луна освещала Школу, а лес будто ждал меня: когда я, стоя на коленях (опять!), отряхивалась после падения, лес зашелестел, зашумел и несколько раз протянул: «Ма`лиф». Что, Муза объясни, происходило? Ветер не применял больше силу, но настойчиво тянул к деревьям.

– Хорошо, хорошо! Иду, – проворчала я. – И только попробуй натравить на меня диких животных! – зачем-то предупредила я, еще и пальцем пригрозила. Как будто могла кого-то этим жестом напугать.

О лесе рядом со столицей я ничего не знала: уроки гео-

графии рассказывали о землях на юге, об озерах на востоке, и никому не было дела до того, что расположено прямо за Школой. Что скрывал этот лес? Я пробиралась сквозь сосны – в темноте голые высокие стволы показались соснами, а чем они были на самом деле, я не подозревала. Главное, что никто не цеплялся за подол моей формы, и оставалась надежда выбраться целой отсюда.

Я углублялась в лес, куда тянул меня непонятный ветер. Он цеплялся то за ноги, то за руки, то за талию. Порой подгонял в спину, если я слишком медленно шла, по его мнению. Создатель, как будто у ветра было свое мнение, и все же... Что-то происходило, и я была участницей неизвестного замысла природы. Краем сознания подумала, что сквозняки, гуляющие по Школе ночами, видимо, исследовали студентов. А как еще объяснить, что выбрали именно меня? Неужели только тем, что с первого этажа легче упасть? И почему именно сегодня? Внезапно я вспомнила слова профессора Илии о весеннем равноденствии в день смотров, и у меня пробежали мурашки по спине.

В какой-то момент я начала замечать таблички на деревьях, но не всматривалась в них, пока свет луны не подсветил одну: «Калев, весна 229 года». Получается, у каждого дерева есть имя? Подошла к другим с детским любопытством исследователя.

«Хорн, лето 201 года»

«Аша, зима 215 года»

«Налина, осень 186 года»

На вид деревья были одного возраста, хотя кто знает, как они растут? Может, десятка лет сосне достаточно, чтобы вырасти такой высокой? И кто же дает им имена?

Мерзкий холод прошелся по моей спине, когда я вдруг увидела следующую табличку: «Орнелла, весна 235 года». Моя бабушка Орнелла умерла в прошлом 235 году. Сосна была крепкой, а ее ствол покрыт корой с прожилками и трещинами. Я пробежалась пальцами по шершавому мху: это дерево определенно не было молодым. Меня затрясло.

– Ба-бушка...

«Ма`лиф», – застонал лес. Что это за место? Что означают эти таблички? Я боялась думать об этом, потому что единственная мысль, которая напрашивалась, пугала и выворачивала наизнанку. Должно найтись другое объяснение!

Ветер снова потянул дальше. Теперь я уже шла, как безвольная кукла. Всматривалась в каждую табличку, в десятки имен, в десятки деревьев бесконечного леса. Дыхание сбивалось, и тошнота подступила к горлу. Мне было страшно как никогда.

Внезапно ветер стих, а в десятке метров я увидела группу людей. Прячась за деревьями, я подошла ближе, стараясь не хрустеть сухой хвоей под ногами. Все стояли лицом к одному оратору. Ну точно секта... Музы, куда же я попала по воле ветра? Я вслушалась:

–... ждали эту ночь весь год! – торжественно говорил вы-

сокий мужчина, стоявший ко мне спиной. Говорил так, будто не боялся, что его услышат. Хотя какой идиот додумается шляться по лесу ночью? Никакой. Только художница, потерявшаяся от страха. – Сегодня вы пройдете обряд и обретете часть утраченных возможностей. Для каждого я приготовил особенный набор трав, но все они содержат растение, известное вам еще при жизни.

Послышались радостные возгласы, толпа зашумела. Странные были эти люди... Я не могла описать, что именно с ними было не так. Если бы кто-то назвал их миражом посреди леса, я бы согласилась. И слова странные говорил их оратор. Обряды, травы, способности, жизнь.

– Подойдите ко мне, уважаемые Эмерик, Ануш, Николас и Орнелла.

Сердце пустилось в полет, когда я снова услышала имя бабушки. Люди начали расступаться, пропуская виновников этих массовых сборов. Когда вперед выплыли четыре бесплотных прозрачных фигуры, я закричала.

Среди них была моя бабушка.

Призрак.

-17-

Бабушка, моя любимая, сильная, заботливая бабушка, по которой я так скучала! Я не верила, что однажды еще с ней встречусь. Я не верила и сейчас, когда на меня уставились все призраки – а это были именно они, до странности плот-

ные и такие похожие на обычных людей, только состоящие из воздуха. Я хваталась за сосну, лишь бы обрести опору, пока мир окончательно не перевернулся перед глазами.

– Мадди, – ахнула бабушка и поплыла ко мне по воздуху. Слезы хлынули потоком. Целую вечность меня никто так не называл! Я на деревянных ногах попыталась идти в ее сторону, но замерла возле следующей сосны. Хотелось ее обнять, прижаться к груди, вдохнуть ее аромат. Она обхватила мое лицо руками. Но все, что я почувствовала, это поглаживание воздуха, и от этого стало еще горше. Я пыталась ухватить ее за руку, но прошла сквозь ладонь – рука попала в ледяной могильный холод – и одернула руку.

– Почему ты бросила меня? – я хотела сказать, как сильно ее люблю и как скучала по ней все это время, но ужас, росший во мне всю неделю, выплеснулся ранящими словами и обидами. Как будто бабушка была виновата в своей смерти!

– Прости меня, Мадди, девочка моя, я думала, что у меня все получится. Я слишком переоценила свои силы... – с глубоким сожалением прошептала она. Если бы призраки умели плакать, мы бы вместе сейчас обливались слезами.

– О чем ты?

– Орнелла, пора начинать обряд, мы не можем ждать еще год, – вмешался оратор и посмотрел на меня, – мне жаль, если мои слова показались вам резкими. Прошу простить меня за это. И должен сказать, что рад нашей встрече, Мадлиф. Вы можете присутствовать на инициации, а после я вам все

объясню.

Вроде бы он и говорил понятными словами, но сами фразы окутывали мелодией времени. Если все присутствующие здесь – призраки, то, наверное, оратор – самый древний из них. Мне не оставалось ничего, как согласиться на его приглашение и молча приблизиться к толпе, чтобы наблюдать за обрядом и бабушкой. Я встала чуть поодаль: компания призраков пугала. И хоть мы были друг для друга любопытными, в мою сторону никто не смотрел, и я тоже старалась на них не глазеть.

– Эмерик, Ануш, Николас и Орнелла, – вернулся к торжественному тону оратор. – Сегодня вы совершите свое первое дыхание. Для каждого я подготовил травы, которые наполнят вас цветом и плотностью, чтобы вы достойно вошли в свою вторую и вечную жизнь. Для меня является честью подарить ее вам.

Впятером они стояли у невысокого – в половину человеческого роста – пня с ровным срезом. Оратор установил низкую свечу, зажег ее каким-то ловким устройством, поместившимся в его руке. Я заметила, что его руки спокойно держат предметы, тогда как бабушка – лишь сгусток воздуха... Над свечой он начал держать пиалу. Деревянную? Я не смогла разглядеть.

– Эмерик, прошу, – призрак подошел к пню. Из пиалы начал завиваться дым. – Вдыхай. Вайда, листья краснокочанной капусты, черника подарят тебе синий цвет. Тимьян на-

делит силой.

Я наблюдала за тем, как дым проникал внутрь призрака и насыщал его призрачную оболочку. Этот оратор стал гением в моих глазах! Я, разинув рот, смотрела, как призрак становится почти похожим на человека. «Почти» – как отголосок миражей, та легкая грань, которую я не могла уловить в их образе в ночном свете, а сейчас мне все стало понятно. Значит, каждый из призраков имел свой оттенок.

– Я вижу... я теперь снова вижу все цветным! – чуть ли не кричал Эмерик. Он отошел от оратора и пня, освободил место для следующего. Его чашу главный призрак вернул на землю и взял новую.

– Ануш, прошу, – молодая женщина с длинными волосами подлетела быстро: так сильно она ждала этой минуты. – Индигофера, кора дуба, ежевика подарят тебе фиолетовый цвет. Тимьян наделит силой, – женщина точно так же вбирала в себя дым и обретала плотность.

– Теперь я тоже могу брать предметы? – спросила она, исследуя свое новое тело.

– Да, можешь. Относись к этому дару с уважением, – она закивала и отошла.

– Николас, прошу, – вышел взрослый мужчина примерно бабушкиного возраста. Он был сутулым и с бородой. – Тысячелистник, зверобой, шафран подарят тебе желтый цвет. Тимьян наделит силой, – призрак вдыхал и приобретал насыщенный горчичный оттенок. Не уверена, что после смер-

ти мне захотелось бы стать призраком с таким окрасом, но, видимо, самому Николасу было приятно.

Настала очередь бабушки. Я сжала кулаки от напряжения, и ногти впились в ладони.

– Орнелла, прошу, – бабушка подошла к пню. – Марена, гибискус, кора каштана подарят тебе красный цвет. Тимьян наделит силой, – мне понравилось, что он выбрал для нее красный. Бабушка и при жизни была равнодушна к этому цвету, а значит, сейчас она возродилась своей любимой розой... Кажется, я снова плакала, но в этот раз от радости. Бабушка обрела вторую жизнь и поблагодарила своего спасителя.

– Я благодарю всех за неоценимый труд, благодаря которому мы можем поддерживать наши способности. Сегодня можно отдыхать и путешествовать, желаю вам интересной ночи, – призрак сделал приглашающий жест. Мгновение они стояли толпой, и вот их силуэты стали рассеиваться и терять плотность. Я заворуженно смотрела, как призраки один за другим исчезали в неизвестном направлении. Они просто взяли и растворились посреди поляны! Мы остались втроем.

Бабушка подошла ко мне – ее шаги были тихими и неслышными – и обняла меня. На этот раз я не прошла сквозь бестелесную фигуру, я коснулась чего-то мягкого и почувствовала легкую тяжесть на спине: там, где бабушка сложила руки.

– Разрешите представиться, – начал призрак, – меня зовут

Флориас. Можно для краткости Флор.

Он поклонился и улыбнулся. Было в его чертах что-то знакомое, но я не могла понять, где видела его лицо раньше. Высокий рост, аккуратная стрижка, правильные черты лица – при жизни он наверняка был красивым.

– Спасибо за то, что подарили бабушке новую жизнь, – я постаралась ответить так же торжественно, но мне не хватало опыта.

– Мадди, тебе не холодно? – забеспокоилась бабушка. И только сейчас я поняла, что весенняя ночь в лесу была очень теплой: стоя в своей школьной форме с длинными рукавами, я не тряслась от холода. Это... удивляло.

– Лес защищает нас, – подсказал Флор. – Орнелла, у вас есть время побеседовать с внучкой, потом я буду вынужден прервать вас, чтобы рассказать Мадлиф о... о том, что должен рассказать.

Бабушка закивала, явно зная о чем-то большем.

– Мадлиф, не беспокойтесь, вы всегда сможете видеться с бабушкой, в любую ночь.

Я заулыбалась, будто только что исполнили мое самое заветное желание. Мы сели на сухие иголки, я положила голову бабушке на колени и начала рассказывать ей обо всем, что случилось за последний год: о родителях и сестре, о поступлении в Школу (и уговорах родителей отпустить меня).

– Они никогда не отличались большим умом, Мадди, не держи на них зла. Они слишком увлечены тем, что строят из

себя спасателей Алисы, и не понимают, кто действительно может ее спасти, — она погладила меня по голове.

Рассказала о первых месяцах учебы и своих успехах на осенних и зимних смотрах. И лишь описание последних событий далось мне с трудом. Я не знала, что именно стоит рассказывать бабушке, а потому умолчала о Крисе с его голлой задницей на вечеринке, но зато подробно рассказала про опыт с кровью и шкатулкой чувств. Бабушка оценила мою идею, но не одобрила все остальное.

— Ты еще слишком молода для таких опасных экспериментов! И куда смотрят профессора! Какой беспредел творится в Школе... — примерно такой реакции я от нее и ожидала, поэтому лежала и улыбалась во время ее причитаний.

А во время рассказа про лечебные палаты к нам вернулся Флориас и сел напротив, опершись на другую сосну. Я тоже села и взяла бабушку за руку. Пришло время для вопроса, не дававшего мне покоя с начала обряда.

— Бабушка, почему ты просила у меня прощения? — я заметила, как она опустила взгляд. Ей явно не хотелось рассказывать об этом.

— Давайте я поведаю Мадлиф о том, что случается, когда художник делает что-то, что выше его сил, — предложил Флор.

— Я знаю, что происходит, — страшная догадка и слова профессора Илии ворвались в сознание и пробежали мурашками по телу. Я вспомнила, как плохо мне тогда было, и голова

пошла кругом, – почти-выгорание...

– Полное выгорание, девочка моя, – тихо произнесла бабушка. – Выгоревшие Творцы становятся призраками, Мадди.

-18-

Шок от того, что я чуть не повторила судьбу бабушки, на какое-то время лишил меня слов. А потом осознание с новой силой обрушилось на мою бедную голову:

– Что за проект так тебя?.. Ты... ты *ее* пыталась спасти? – в эту минуту я ненавидела сестру всей душой. Забрать самое дорогое! Быть непригодной к жизни, манипулировать своей слабостью всеми членами семьи, заставлять других идти на жертвы ради себя! Ненавижу! Я казалась себе неуправляемой истеричкой. Муза, где же потерялась та спокойная и сдержанная Мад? Интересно, с такой яростью в груди у меня может хватить сил повернуть время вспять?

– Мадлиф, – предупредила бабушка, – это уже не важно.

– Ответь!

– Да, я искала лекарство для Алисы.

Я сжимала и разжимала пальцы. Руки горели, в груди пылало. Слишком дорогая жертва!

– Моя дорогая, ты не знаешь всей правды.

– Мне уже достаточно того, что я знаю. Не прощу ей тебя!

Флориас попытался вмешаться:

– Мадлиф, это был самый разумный шаг.

– Не хочу ничего слышать!

– Мадлиф, Орнелла умирала. Она болела уже год, и мы не могли ее потерять. Ваша бабушка помогала нам при жизни, и мы придумали, как продлить ее существование, – внутри что-то оборвалось. Почему меня держали в неведении? В горле запершило от невысказанных эмоций.

– А я?

– Девочка моя, я знала, что ты со всем справишься. И я знала, что сегодня мы встретимся. Спасибо Флориасу, он управлял ветром, который привел тебя к нам.

Мне все еще было больно и горько, что меня намеренно бросили, держали в неведении, и вдобавок использовали в своих целях.

– Если я передумаю поступать на лечебное дело, – начала я и увидела, что к такому ответу бабушка не была готова, – это будет мой самостоятельный выбор, – вскинула я подбородок. Больно и гадко. Я знала, что этим предаю сестру, родителей, надежду бабушки. Может быть, я их прощу. Может быть. Слишком много всего происходило в последнее время!

– Мадлиф, найдется ли в вашем сердце возможность простить нас? – начал Флор. – Ваша бабушка сильно переживала весь этот год. И это моя вина: я не разрешал ей приходить к вам вместе с другими Музами, – его благородные речи до странности успокаивали.

– Точно не сегодня, – пробурчала я недовольно. Конечно, я знала, что не смогу долго на нее злиться. – Почему вы упо-

мянули о Музах?

– Ох, Мадди, тебе столько предстоит узнать о нас! – нежно шепнула бабушка. Флор посмотрел на нее и кивнул. – Теперь очередь Флориаса рассказать тебе обо всем. И я очень рада, что теперь мне разрешено приходить к тебе, – подмигнула мне бабушка, поднимаясь. Я тоже встала.

– Мне нужно идти, девочка моя. Я всегда знала, что у тебя все получится, – мы обнялись, и она растворилась. Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к этому эффектному исчезновению? Пока что это вызывало лишь мурашки по спине.

– Предлагаю прогуляться, – Флор взглянул на небо, – как раз успеем до рассвета дойти до Школы.

Меня обрадовало его предложение: идти одной обратно через лес не хотелось. Зная свою особенность теряться в незнакомых местах, я уверена, что заблудилась бы в этом лесу, не способная различить ни запад, ни север, ни юг. А раз сам главный призрак решил составить мне компанию, то стоило воспользоваться этим и получить кое-какие ответы.

– Вы мне расскажете о себе?

– Для начала, я бы хотел попросить обращаться ко мне на ты, хорошо? – я усмехнулась.

– Идет! Еще какие-то просьбы?

– Только разрешение тоже обращаться к вам на «ты», – улыбнулся Флор.

– Договорились. Ну и манеры из прошлого века, – этот призрак умел очаровывать.

– Мне действительно несколько сотен лет, – начал Флор, – я стал первым призраком леса. Вы ведь поняли, что это и есть кладбище Королевских Творцов?

Я кивнула. Жутко, конечно, было осознавать, что где-то под ногами скрываются могилы под ковром из еловых иголок. Но я постаралась убедить себя, что это лишь круговорот жизни в природе.

– Еще при жизни я распорядился, чтобы меня похоронили под одним из деревьев. Но я не ожидал, что моя смерть наступит так рано.

– Что же произошло? – не удержалась от вопроса после его заминки. – Тоже неизвестная болезнь?

– Убийство, – я округлила глаза. – Меня убил младший брат, завидовавший моим способностям.

– Но... как же тогда ты стал призраком? Или не только выгорание помогает в... этом?

– Да, в моем случае все оказалось немного иначе, – закивал Флор.

– Расскажешь об этом?

– Не сегодня.

– Видимо, со смертью призраки приобретают способность говорить тайнами и недомолвками, – а может, и не только после смерти, подумала я. Вон как у Криса отлично это получалось.

– В этом нет ничего секретного, просто об этом я расскажу в обмен на одну просьбу.

– А, знакомые мне манипуляции! Ну, я вся внимание.

– Мадлиф, не издевайся, – Флор попытался воззвать к совести, которая заснула сегодняшней ночью. Надеюсь, надолго. – Ты сегодня оказалась в северном крыле. Ты раньше бывала там?

– Нет.

– Если я скажу, что там тебе могут открыться комнаты, доступа к которым нет ни у кого из людей, ты мне поверишь?

– Ну, допустим. Мне туда надо зайти? Там что-то страшное?

– Нет, нет, ничего страшного. Только правда о прошлом.

– Интрига на интриге, – покачала я головой.

– Прошу простить меня за это.

– Снова.

– Снова.

Мы вышли к краю леса, но остались в тени деревьев. Еще не рассвело, и я надеялась, что Гая не проснулась и не отправилась на мои поиски.

– Так какая же дверь мне откроется? – напомнила я призраку о своем задании.

– Третий этаж. Восьмая дверь по правой стороне. И еще, Мадлиф... – он развернулся ко мне. – Сегодня будет сложный день. Мне жаль, что Саиролф отправил тебя на это испытание. Помни, что твоя сила никуда не денется, она всегда будет с тобой, в тебе и в твоём творчестве.

Мне не хотелось думать о предстоящем испытании. Я бы

с радостью осталась в лесу, сбежала бы, стала одним из художников, которые продают картины на ярмарках. Но кого я обманывала? На побег нужны были еще большие душевные силы. Переносить испытания я научилась с детства, а вот сбегать от них не умела. Я кивнула Флору и прошептала:

– Береги мою бабушку, если я не справлюсь.

И пошла к Школе. Ветер подхватил меня и помог забраться в окно.

-19-

Интересно, сколько времени было в моем распоряжении на сон? Я слезла с подоконника, стараясь не шуметь, и устала на свою обувь: по иголкам Гая может догадаться о моем побеге в лес. Как могла, я стряхнула их с обуви над окном, спрятала под кровать, нырнула под одеяло и постаралась закрыть глаза. Все горькие переживания с трудом поместились в мысленную шкатулку чувств. Мое творение начинало работать на меня, пусть и таким неочевидным способом.

Мысль, с которой я засыпала, была удивительным продолжением мысли «Музы – это выгоревшие Творцы» о том, что опытные художники помогают молодым художникам. Какой круговорот энергии в природе!

– Деточка, пора вставать, – голос Гаи вырвал из мягкого сна. Свет заливал в окна, стараясь успокоить меня и приободрить, но я знала, что свет в этих лечебных палатах обманчив. – Держи отвар и яблоко на завтрак. Как поешь, мы

начнем процедуру.

С такими пожеланиями есть совершенно не хотелось. Я услышала какой-то шум у двери, и секунду спустя ко мне ворвалась Роза:

– Мад! – она схватила меня в крепкие объятия. – Вот так и верь тебе, что ничего не случится! Я же знала, что нельзя было оставлять тебя там одну! Ох, Мад! Представь себе мой ужас! Тебя нигде нет, я бегаю по залам, и тут объявляется Крис с рассказами о тебе. Крис! Я даже не знала, можно ли ему верить, а он все болтал и болтал небылицы о верхних этажах, о Создателе и лечебных палатах. Я чуть с ума не сошла, когда ты не пришла ночевать, Мад.

– Я тоже рада тебя видеть, – я гладила Розу по спине и вдыхала ее солнечный аромат.

– Так это все правда? – она махнула на палаты и осмотрелась.

– К сожалению...

– Хочешь, я побуду с тобой?

– Вчера Крису не разрешили, но надо спросить.

– Мад, ты же понимаешь, что я сгораю от любопытства? Крис мне явно не все рассказал. Точнее, не так! Он уместил все, что с тобой произошло, в два предложения. А как же чувства, а как же внутренние диалоги? Мад, я жду этого от тебя.

Я узнавала свою энергичную подругу. И как же я была рада ее бесконечному потоку фраз! На какое-то мгновение это

затмило весь страх от неизбежного вмешательства в душу.

– Крис оказался не таким уж плохим парнем, – усмехнулась я. – Но не придумывай! Между нами ничего нет.

– Ой, зная тебя, ты с чувствами будешь вечность тянуть, – расхохоталась подруга. – Я быстрее напридумываю вам с три десятка историй, чем ты начнешь хотя бы одну.

– Эй! Я не ханжа, я уже целовалась с парнями.

– Ну да, во сне мы много с кем целуемся, – продолжала издеваться Роза и получила подушкой в голову. – Все, все, это и правда животрепещущая тема, – покосилась подруга на подушку и отодвинула ее к моим ногам.

– Так что там у вас?

– Стул, бутерброд и крылья поддержки перед Советом. И обещание все передать тебе.

– Так, я ничего не поняла. Давай без загадок.

И я кратко рассказала Роза о вчерашнем дне. Только я хотела перейти к ночи, как вошла Гая и недовольно поджала губы.

– Ну, значит, будешь голодная.

Роза она тоже не разрешила остаться. Подруга обещала ждать меня в блоке и, ссутулившись, тихо ушла. Вся ее энергия вдруг куда-то развеялась. Я последовала за Гаей из палат в соседнюю комнатку с аскетичной обстановкой. Посередине был стул с невысокой тумбой и свечой на ней, сбоку стол с несколькими чашами.

– Садись, – коротко, без всяких «деточек» сказала Гая.

Время любезностей, видимо, закончилось. Я села. Она взяла чашу и, как и Флориас ночью, зажгла свечу. Все это было каким-то страшным повторением пережитого. Меня же не будут превращать в призрака? Гая посыпала белый порошок на травы и установила чашу на подставке так, чтобы свеча продолжала нагревать ее.

Меня затрясло.

– Расскажите, в чем заключается процедура.

– Увидишь, деточка.

– Пожалуйста, – робко протянула я. Куда-то делась вся моя смелость, к которой я так и не успела привыкнуть. Наверное, потому, что со мной не было ни Розы, ни бабушки, ни Криса. Кто-то из них смог бы меня поддержать.

– Ты будешь несколько часов дышать над дымом. Эта чаша, – она указала на ту, что стояла передо мной. Почему я раньше не замечала ее крючковатых пальцев с загрубевшими ногтями? – Сделает тебя послушной. Вторая, – она указала на стол, где стояли еще две чаши, – заберет твой грех. А последняя чаша запечатает память о твоём неповиновении.

От каждого слова мне становилось страшнее и страшнее, а от услышанного о последней чаше я готова была упасть в обморок. «Вся сила во мне, и она никуда не денется», – повторяла я про себя слова Флориаса в надежде, что они окажутся правдой. Гая надела маску на лицо, чтобы не дышать парами трав. Муза, сколько раз она проделывала подобное со студентами?

Горьковатый дым потянул из чаши, и я сразу же зашлась кашлем со слезами.

– А можно п-росто по-просить п-рощения, – пыталась прохрипеть хоть что-то я, но дым душил и скручивался в легких.

– Так надежнее, деточка. Второй раз ты уже не осмелишься нарушить правила, – ее голос был глухим из-за маски. Мои внутренности уже выворачивало, я потянулась к чаше, чтобы убрать ее от пламени, но в ту же секунду руки ослабели и рухнули как тряпочки. Никакого шанса спастись... Дым проникал все глубже в меня, и в какой-то момент не осталось сил на кашель. Я послушно дышала и беззвучно плакала. Голова кружилась. Я не знала, сколько времени сидела, окутанная жестоким дымом. Зато я знала одно: травы могут быть как спасением, так и пыткой. Внутри меня начала зарождаться тихая ненависть к Создателю, и это пугало ярче, чем само «лечение». Муза! Мне ведь нужно учиться и работать под его правлением до конца жизни. Моей жизни, конечно же. Теперь я охотно верила в то, что Создатель бесмертен.

Когда травы прогорели, Гая зажгла вторую чашу. Ее дым не вызвал новый приступ кашля, но действие его было не менее оглушительным. Руки и ноги онемели, и, потеряв равновесие, я упала со стула. Болью пробило правое плечо. Ощущение было такое, будто из меня вытягивали не только грех, но и всю мою сущность. Я боялась кричать и с ужасом чув-

ствовала, как сгусток энергии формируется в районе груди. Я мысленно цеплялась за него, боясь отпустить самое важное и дорогое, что во мне было. Мою любовь к творчеству.

– Не противься, – рявкнула Гая. Я вздрогнула, потеряла контроль над сгустком, и он вылетел из груди. Кожу жгло, как будто там остался след. Руки по-прежнему не слушались, и я не могла дотянуться и проверить, что же так прожигало тело и душу. Я уставилась в серый грязный потолок, одинокая слеза никак не могла выкатиться и повисла в уголке правого глаза. Я уже не верила, что смогу быть сильнее всего этого. Дым окутал всю меня: кольцами вился вокруг ног, рук, тела, оседая пеплом.

Гая быстро зажгла третью чашу, и от ее дыма на меня наконец обрушилось умиротворение. Кожу на груди сковало ледяным панцирем, я задышала ровнее, и слеза наконец скатилась на пол.

Я пролежала вечность и еще немного, ни о чем не думая и ничего не чувствуя. Когда последняя чаша догорела, Гая открыла дверь и добавила мне:

– Как сможешь двигаться, выходи, деточка.

И ушла.

-20-

А где же руки победителя, которые должны вынести раненого с поля боя? Я ждала помощи или спасения, но в ответ получила лишь тихую песенку, которую напевала Гая в

зале с палатами. От этого контраста жестокости и умиротворения я растерялась еще больше. Расплата за эксперимент оказалась более жестокой, чем сам эксперимент.

Правильно ли я сделала, что согласилась на него? Возможно, отчисление было бы спасением? Я бы поступила на следующий год. Хотя, о чем это я? Для меня двери Школы были бы закрыты после случившегося. Создатель! Мы не рисовали тебя в своих мыслях ни деспотом, ни тираном. Мы обращались к тебе как благодарные дети, искали у тебя знаний, готовы были всю жизнь служить целям Королевства. Грязная комната пыток – это твоя благодарность? Так со своими непослушными детьми поступают отцы, не ведающие милосердия. Разве я настолько сильно согрешила?

Онемение все не проходило. Чувства были тоже заморожены, и лишь мысли не могли найти тихой гавани и метались среди штормов всех морей. Я цеплялась взглядом за знакомые мне звезды и тянулась к ним. Розы. Лучик света, пробивший полосу туч. Она сейчас осветила мне лицо и протянула руку, сотканную из света. Погладила меня по лицу и размазала пепел. Я знала, что мне это все мерещится, но не могла ее отпустить. Бабушка. Она раздвинула тучи своими призрачными руками и сделала небо ясным. Крис. Он встряхнул волны и успокоил шторм, в котором я болталась, разбитая и потерянная всеми. Алекса. Она смыла пепел с лица и чмокнула в лоб, сказав, что теперь я чиста как младенец. Кайли. Она погладила место на груди и сказала, что все

будет хорошо. Я ей поверила – ее открытой доброте нельзя не верить. Лара. Она запустила руки в мои черные волосы и сделала что-то с моей головой: тревоги рассеялись. Кассия. Она похлопала меня по всему телу со словами: «Пора!», и онемение прошло.

Я собрала свои звезды в ладони и открыла глаза. Все та же комната с серым потолком и пеплом на полу. Я перевернулась на живот. Сил подняться ни на ноги, ни даже на колени не было, и я просто начала ползти, обтирая своей формой пол. Когда я доползла до лечебных палат, Гаи нигде не увидела. Мне нужно было забрать свои записи, чтобы она не притронулась к ним. Мне нужны были мои записи, чтобы вспомнить, какой я была смелой. Зал с палатами как будто увеличивался с каждым моим движением. Каким-то образом у меня получилось доползти до кровати, где я спала на рассвете, но сил подняться уже не было. Пыталась отдышаться. Я услышала торопливые шаги. Со вздохом открыла глаза и повернула голову, ожидая увидеть двуличную старуху. Но передо мной стоял профессор Илия.

– Профессор, – прохрипела я. – Листы. За подушкой.

Он кивнул и нашел мои спрятанные записи. Теперь можно было расслабиться. Я услышала другие шаги.

– Давайте вместе ее поднимем, – зашептал профессор Илия.

– Я справлюсь, – голос Криса. – Мад, держи равновесие, опирайся на кровать.

Он помог мне встать на колени, а затем подхватил на руки и понес к выходу.

– Где Гая?

– Вышла на обед. Не трать силы. Молчи, пожалуйста.

Обратную дорогу к блоку я плохо помнила, но один образ ясно отпечатался в памяти: магический Столб потускнел.

Крис все так же держал меня на руках, стоя у двери моего блока, и стучал ногой.

– Куда они все пропали, – выругался он, поставил меня аккуратно на пол. Я оперлась о стену. Он открыл дверь и сунулся в блок. – Тоже ушли на обед. Муза! Ну, тогда мне придется идти с тобой в душ.

– Только попробуй.

– Ты себя хоть видела? Чумазая вся. Держись, – теперь он подхватил меня за талию, перекинул через плечо и последовал прямо к душевым. Включил воду и поставил меня под прохладные струи.

– Хоть бы теплую сделал! – захныкала я. Внутри меня мгновенно побежал адреналин.

– Так эффективнее, – усмехнулся Крис. – Потом еще раз спасибо скажешь.

Он стоял в стороне, придерживая меня вытянутыми руками, но брызги все равно попадали на его черную форму. Я начала подмерзать, мысленно ругаясь на Криса, мокрая форма облепила меня, а холодные струи, сползавшие по спине и по ногам, вызывали еще большее отвращение. Но, что уди-

вительно, в голове прояснилось. Наши взгляды встретились.

– Ладно, раз ты так переживаешь о своих плоских формах, делай все сама. Сейчас принесу полотенце.

– Какой ты благородный, оказывается! – с каждой секундой мне действительно становилось лучше. Теперь я хотя бы могла стоять на ногах. Крис убедился в этом и вышел. Повернувшись ко входу спиной, я на всякий случай встала поближе к стене. Нащупать молнию на спине было не так просто: после онемения руки все еще плохо слушались.

– Давай помогу, – он вернулся с полотенцем и увидел мои мучения. Помог. Спустил молнию до талии.

– Спасибо.

– У меня уже целая коллекция твоих благодарностей собирается, – самодовольно выдал он. Ну каков нахал! Хотя, если вспомнить, он и правда все это заслужил. Я скрипнула зубами.

Слишком часто я в последнее время залезаю под душ в одежде. Я перестроила воду на теплую. Крис все не уходил. Я чувствовала его присутствие даже спиной. Его взгляд. И даже вот так, стоя в расстегнутом платье, но все еще не спуская рукава, я все равно ощущала себя обнаженной. Будто Крис читал мою душу, а не смотрел на кусочек тела.

– Так и будешь пялиться?

– Было бы на что, – развернулся и вышел. Грубиян! Это у него защитная реакция такая или что? Думать о его словах я не стала: нужно было срочно смыть весь ужас с себя. Я

скинула платье и всхлипнула: на груди, где так жгло во время «лечения», образовался круг размером с кулак. Кожа была сморщенная, скрюченная и потемневшая. Я дотронулась до шрама, едва осознавая, что запечатанная память, о которой говорила Гая, останется со мной навсегда.

-21-

Я думала, что у меня заберут память о событиях всей недели. Но все оказалось гораздо прозаичнее. Смывая с себя пепел и пыль, я исследовала воспоминания и не находила пробелов. Я помнила о шкатулке, я помнила о вечеринке, я помнила о смотрах и даже о призраках. Черная форма валялась у ног, а я босиком топталась по ней. Мне еще предстоит выяснить, чем именно был тот сгусток. Но я чувствовала, что, даже умытая, я снова погрязла в своих самых темных глубинах, откуда однажды вытащил меня Крис.

Когда я вышла в гостиную, завернутая в полотенце, там уже ждали меня Розы и все остальные девочки. Я огляделась. Криса не было.

– Мы вернулись с обеда и увидели его здесь, в гостиной, – пояснила Кайли.

– Он каким-то обреченным выглядел. Увидел нас, сказал, что ты в душе, и ушел, – задумчиво добавила Алекса. Остальные закивали и принялись делиться своими соображениями:

– Ждал чего-то.

– Как будто не хотел оставлять Мад одну.

– Намечается кое-что горяченькое!

Я стояла и вглядывалась в любимые лица, и глаза сами собой наполнялись слезами. Мне нужно было рассказать им о лечении и... наверное, о призраках тоже? Но сначала, пока я не заперла боль и переживания в свою шкатулку, я потянулась к полотенцу и спустила его до ребер.

Подруги испуганно замолчали.

– Мад... – прошептала Алекса.

– Что это? – ужаснулась Кайли.

– Сморщенная яма?

– Это сделали с тобой на лечении?

– Мад... – Роза кинулась меня обнимать.

Я разревелась. Я ожидала отвращения, ненависти, безразличности, а получила сочувствие и поддержку самых близких.

– Эт-то не лечение, – всхлипывала я. – Это мучение!

И я на одном дыхании выпалила все, что происходило в той серой дымной комнате. Подруги плакали вместе со мной. Знание нужно было разделить на нас всех, иначе бы это была непосильная ноша для меня одной. Каждая подошла и осторожно меня обняла.

– А профессор-то человечным оказался!

– Значит, Крис из-за тебя переживал!

– Ты планируешь вернуться к занятиям? – спросила Кассия.

Я неуверенно кивнула. Пока другого пути я не видела пе-

ред собой. Мысли о будущем притупили боль настоящего, и я, всхлипывая, утерла слезы.

– Тогда у нас для тебя кое-что есть. Девочки, несите! – напомнила Лара.

Передо мной стопка за стопкой росли наборы цветных карандашей. Все цвета радуги. Все оттенки от светлого к темному. Какие-то коробочки были подписаны, в каких-то нашлись записки с пожеланиями, но многие так и остались подарками от неизвестных доброжелателей. Подарками! Самыми настоящими, которыми не нужно делиться с сестрой, только моими! Столько карандашей! Мне теперь не нужно волноваться о том, чем рисовать! Настоящее сокровище, которого у меня никогда не было. Я не верила своим глазам.

– Откуда это все?

– С вечера и все утро студенты приносили подарки для тебя, – в интонации Лары я уловила нотки гордости и удивилась им.

– Но почему?

– Дурочка, – погладила меня по волосам Алекса, – твоя смелая выходка сделала тебя героиней у студентов.

– Тебя прозвали Кровавой Мад!

– Многим надоело терпеть унижение, знаешь ли.

– Сегодня на завтраке все о тебе спрашивали, – добавила Розы. Она все еще с болью смотрела на мой шрам. – И когда я говорила, что ты в лечебных палатах, то... – она спрятала лицо, – Мад, прости меня! Нельзя было тебя оставлять там

одну!

– Рози, ты бы тоже пострадала.

– Я не знала, что там будет так страшно! Я бы не оставила тебя. За завтраком...

– За завтраком студент старших курсов рассказал нам, как его там пытали, – договорила за нее Кассия. Девушки поежились.

– Я вам не говорила, – Лара вдруг перестала быть холодной и рассудительной, – у меня брата здесь пытали за... за какое-то своеволие. Он так и не рассказал мне всего. Потом его отчислили. И... когда он вернулся домой, он больше не стал прежним, – в уголках ее глаз застыли слезы, грозя пролиться и размазать ее идеальный смоки-макияж.

– Так вот почему ты так следуешь правилам, – прошептала Кайли. Мне казалось, в этот момент нас объединила общая боль. Никогда Лара не была такой откровенной.

– Они забрали твои работы, – вспомнила Алекса, стараясь развеять повисшую печаль. Этого стоило ожидать. Наши работы после смотров всегда формируют в архив по каждому студенту.

– Кто-то сказал, что работу кровью сожгут.

А вот эта новость меня по-настоящему расстроила. Почему-то за эту работу было особенно больно. Какие там были тени... Какие детали... И столько сил было вложено в работу. И хотя мне было горько потерять кровавую версию, я не смогла выдавить ни слезинки, будто чувства переваривались

теперь медленно и со скрипом. Когда я опустила взгляд на радугу из карандашей, вспомнила магический Столб.

– Никто не заметил, что наш Столб потускнел?

– И это еще одна странность, Мад, – закивала Кайли.

– Еще одна?

– Мы не видели, но за завтраком кто-то уверял, что ночью Столб наоборот светился ярко-ярко.

– Мы не знаем, что это все может значить. А у тебя есть идеи?

Я покачала головой.

– Есть еще кое-что... Близняшек отчислили, – грустно добавила Кайли. Да уж, это утро было богато новостями, хорошими и ужасными.

– Возможно, им даже повезло, – с горечью ответила я. В конце концов, есть сотни других профессий, а престиж и богатства Королевских Творцов не каждому нужны. И не каждый осилит этот путь. Кажется, дымная комната сделала меня черствой к чужому горю. Лара закивала, соглашаясь. Но Кайли смотрела на меня непонимающе.

– Мад, тебе просто нужно отдохнуть, – взяв мою руку в свою, подбодрила меня подруга, – эта работа нам всем нужна, вспомни, зачем ты здесь.

Я кивала, делая вид, что все еще понимаю ее.

– Ну что, давайте готовиться к ярмарке? – прервала укутавшую наш блок меланхолию Кассия. – Если, конечно, у всех еще осталось желание отвлечься, – подруги закивали,

будто отряхиваясь от своих серых мыслей. – Мад, ты в деле?
– Я пока просто посмотрю на вас, – улыбнулась я, а в душе мерзко расцветало новое открытие: мне совершенно не хотелось рисовать что-то запрещенное. Именно это забрала у меня Гая?

-22-

Кто я такая, чтобы отказать подругам в просьбе порисовать новым сокровищем – невероятной палитрой карандашей? Я уже переоделась в сухую форму, перекусила бутербродами, которые на всякий случай взяла для меня Роза, и наблюдала за подругами. Их энтузиазм наполнял теплом и умиротворением. Кто-то просто черкал каракули, кто-то выводил круги и соединял их линиями, кто-то делал градиент одним цветом. Они развлекались, как могли! Ни одного намека на предметы, которые мы рисовали на занятиях. Я выбрала себе место на подоконнике, как и в тот вечер, с которого начались мои приключения. Было, о чем подумать.

За окном распростерся блеклый город. Широкие улицы терялись за строениями, деревянные дома соседствовали с высокими кирпичными. Их нельзя было назвать красивыми, скорее практичными: минимум изящных элементов, зато крепкие. Многие жители были связаны с деятельностью Школы: кто-то поставлял еду, кто-то убирал коридоры и залы, кто-то мыл окна снаружи, кто-то производил карандаши, кто-то заготавливал бумагу и так далее, и так далее. Город

по-прежнему был мне незнакомым и чужим. В отличие от его соседа.

– А вы знали, что лес находится прямо за Школой? – вдруг оживилась я.

Кассия оторвалась от рисунка:

– Мы с Нилом как-то делали вылазку туда. Жуткое место, если честно.

– А откуда ты знаешь, что он находится рядом со Школой? – Кайли как раз металась между выбором нужного зеленого оттенка из сотни вариантов.

– Из окна палаты на той стороне я вчера смотрела на лес, – туманно ответила я. Пожалуй, сначала стоит только с Розы поделиться знанием о призраках. Достаточно с меня приключений. Комната, о которой говорил Флор, уже не интриговала, как раньше.

Пришлось признать, что я вернулась к началу: к той Мадлиф, которой была раньше. Тихой, незаметной, осторожной, черно-белой. И если в прошлый раз я начала меняться из-за Криса, то сейчас, чтобы справиться со всем, мне нужно было научиться изменяться самой. И дело было не только в смелости и желании рисовать то, что неугодно правилам Школы. Я чувствовала, что нечто большее скрывается за моими испытаниями, но не могла понять, что именно.

Хотя кого я обманываю? Мне даже не хотелось сейчас ничего понимать. Я дрейфовала в минутах спокойствия. И ведь забыла порадоваться за себя: я прошла весенние смотры! Но

открытие отозвалось болью в шраме. Я прошла их... почему же не могу порадоваться за себя? Слишком много сил пришлось потратить на подвиг? Или потому что победа обернулась потерями? Я не знала.

В дверь тихо постучали.

– Открыто, – крикнула Лара.

Вошел Крис. Мы с ним встретились глазами.

– О, привет! Хочешь нам позировать? – сверкнула глазами Кассия.

– А тебе так понравилось? – подыграл ей парень, но взгляда от меня не отвел. – На пару слов.

Он топтался у двери, и я поняла, что проходить он не собирался. Поэтому под любопытные взгляды я сама аккуратно спустилась с подоконника и подошла к нему.

– Давай прогуляемся?

– На улицу? – удивилась я. Он кивнул. Я взяла свой плащ, надела сапожки, и мы вышли.

До первого этажа шли молча и не спеша. До главных дверей тоже. Погода была мягкой для конца марта, и мы неторопливо пошли вдоль стены Школы. Я гадала, о чем же хотел поговорить Крис, что увел так далеко от любопытных подруг. Но первая не заговаривала. Спокойная прогулка оказалась тоже хорошим лекарством. Мы уже почти завернули за угол северного крыла, как он наконец спросил:

– Ты бывала в лесу?

– Угу, – Крис бросил на меня удивленный взгляд, но ни-

чего не добавил больше.

– Это и были твои пара слов, из-за которых ты потащил меня на улицу?

– Что? А, нет. Я просто думал, что тебе захочется поделиться.

– Чем? – настала моя очередь удивляться. – Хочешь знать подробности из дымной комнаты? – я поежилась, а рука непроизвольно потянулась к шраму. Он отозвался жжением.

– Ну... и это тоже.

Интересно, на что еще он намекал. Уж не на лес ли, к которому мы так уверенно приближались? Начинались сумерки, и мне вовсе не хотелось разгуливать среди могил – пусть их и прятали деревья – на пару с Крисом.

– Слушай, давай возвращаться.

– Почему? Боишься? Я не...

– Девочки будут волноваться.

– Я хотел показать тебе одно дерево... – мне показалось, что Крис как-то неуверенно об этом сказал. Ветер шевелил его черные волосы и плащ. Зеленые глаза просили пойти с ним.

– Давай в другой раз, хорошо? – мы стояли друг напротив друга, словно тянули каждый за своим мнением. Крис мучился от недосказанности – моей, его – а я боялась, что он вдруг вздумает меня здесь целовать. Не то, чтобы мне не хотелось. Я боялась ничего не почувствовать. Внезапно вспомнилась другая прогулка по лесу. С Флором. Они оба были

интригующими. Оба умело манипулировали, оба казались надежными, но мне нужно было время во всем разобраться.

Возможно, и стоило бы посвятить Криса в тайну призраков. С ним было бы безопаснее гулять по лесу по ночам. Но сначала мне нужно было наведаться за восьмую дверь. И после этого решать, что делать.

– Я возвращаюсь, – тихо, но четко произнесла я и сделала пару шагов назад. – В той дымной комнате меня лишили желания делать глупые необдуманные поступки, Крис.

Он дернулся от этой фразы, явно улавливая намек на вечер нашего знакомства. На его смелый и дерзкий ход.

– А еще у меня появился... душевный шрам, – о том, что он отпечатался и на теле, я не смогла признаться. – И теперь я не представляю, как буду плыть по воле системы и становиться Королевским Творцом.

Я развернулась, накинула капюшон и зашагала прочь.

-23-

Не поднимаясь в блок, я сразу же прошла в главный зал. Казалось, я вечность здесь не была. В каком-то смысле так и было: день смотров разделил жизнь на до и после, оставив слишком большой отпечаток, чтобы он уместился в линию времени одного дня.

Сегодня здесь пахло лесом, смолистым, древесным. Какое странное совпадение. Стараясь не выглядеть подозрительной, я прошла к женщинам, которые выдавали еду. На

моей тарелке оказались мелкая желтая крупа, мясо птицы с веточкой, которая и пахла лесом.

– Подскажите, как называется эта веточка?

Мой вопрос рассмешил женщину, но все же она ответила:

– Розмарин.

Я подхватила травяной чай и пошла к столу. Подруг нигде не было видно, и я села на привычное место рядом с незнакомой девушкой с русыми волосами. С четвертого или третьего курса: если бы я чаще общалась со старшими, я бы лучше ориентировалась в оттенках серого.

Курица пропиталась еловым вкусом, очень сильным, но я была так голодна, что не стала откладывать еду.

– Привет, это ты Кровавая Мад?

Я поперхнулась и медленно повернулась к соседке. Одно дело – услышать прозвище в пересказе подруг, а другое – узнать, что оно прижилось и стало популярным.

– Тебя сложно не узнать, – выпалила незнакомка, считав с лица мой вопрос. – Как ты решилась на опыт с кровью?

Напоминание сковало меня. Шрам снова начал прожигать грудь. Муза, что со мной происходит? Зачем этот страх повторяется со мной? Я не могла отвести взгляда от незнакомки и не могла выговорить ни слова.

– Ой, прости, пожалуйста, я не подумала.

Она быстро схватила свою пустую тарелку и недопитый чай и отсела от меня. Я смотрела ей вслед, не зная, как снять оцепенение. На нас смотрели со всех сторон: я ловила разные

эмоции во взглядах. Сочувствие. Понимание. Страх. Любопытство.

– Дышите, Мадлиф. Глубоко дышите и не обращайтесь ни на кого внимания, – раздалось рядом.

Я последовала за голосом и сделала глубокий вдох и выдох. И снова начала чувствовать тело.

– Профессор? – он был все таким же круглолицым и счастливым для остальных, но в его глазах я увидела грусть.

– Ваши записи у меня, я передам вам их в понедельник. Но, смею надеяться, вы и без них справитесь.

– Спасибо, профессор.

Он ушел к столу преподавателей. Продолжая дышать, я доела свой ужин и вернулась в блок. Подруги как раз заканчивали рисовать.

– Мад, смотри, что у нас получилось! – подскочила ко мне радостная Кайли, взяла за руку и повела на импровизированные смотры.

Как же они удивили меня! Непонятные изображения пестрели яркими цветами, в хороводе рисунков я не смогла уловить ничего знакомого и привычного. Эти новые впечатления от непонятных работ ненадолго вынули меня из собственных переживаний. Меня восхитила работа Алексы: красная табличка с надписью «Любовь» на фоне изумрудной кирпичной стены. И еще я долго рассматривала картину Розы: зеленые волны струились, сбивались друг в друга. Это не было южным морем, по которому я скучала. Это было ше-

потом леса, который продолжал манить своими тайнами. В этот лес я бы погрузилась с головой. Такие разные девушки – такие разные работы. Единственное, что было общего на всех листах – имена подруг в уголке.

– Что это? – я легко могла понять, где работы Кассии, Розы и Алексы благодаря этим пометкам.

– Это наши авторские подписи! – гордо отчиталась Кассия. – Я придумала. Правда, здорово?

– Я эту идею не одобрила, – заметила Лара. – По ним вас всех легко вычислят и исключат.

– Благодаря ним мы станем знаменитыми, и не нужна нам будет Школа! – расхохоталась Кассия. Я сглотнула: Кассия всегда была дерзкой, но такой даже мы ее не знали.

– Без диплома Школы ты не полноценный художник, – продолжала Лара.

– Это ты так считаешь. А мои работы говорят сами за себя. Мне и правда понравились их работы: яркие, смелые – они так и дышали свободой. Мне хотелось прикоснуться к этим чувствам, но я боялась даже брать в руки их творения. Не сейчас. Мне нужно было... что мне нужно было? Запечатать боль в мысленную шкатулку? Выплакать воспоминания из дымной комнаты? Или просто прожить десяток лет, чтобы боль притупилась? Я не знала. Но пообещала себе, что когда-нибудь я справлюсь с этим.

Подруги сложили свои работы. К завтрашней ярмарке все были готовы! Счастливые, они побежали на ужин, а я села

на подоконник, свое привычное место. Кажется, это место успокаивало.

– Здравствуй, девочка моя, – рядом со мной материализовалась бабушка, и я кинулась в ее объятия.

-24-

При свете шаров я теперь смогла ее разглядеть. Плотный дым наполнял ее с разной интенсивностью цвета: кожа была с розовым подтоном, в то время как волосы и одежда были приглушенного красного цвета. Губы были яркими, а глаза темно-бордовыми. И мягкое сияние выдавало ее призрачную натуру. Лишь в обманчивом свечении луны можно было принять ее за живого человека. Но не сейчас. И все равно я была благодарна Флору.

– Ты знала, какому лечению подвергают непослушных студентов? – я не могла не рассказать бабушке о том, что со мной произошло после ночи в лесу.

– Нет, Мадди. Мы четко следовали правилам Школы. Даже потом, когда я работала Королевским Творцом, никто не обсуждал ничего подобного.

Если бы бабушка могла плакать, она бы заплакала при виде моего шрама. Она по-прежнему могла испытывать эмоции, но уже без телесных реакций в виде слез и щемящего сердца. И все же его она трогала по привычке.

– Теперь меня называют Кровавой Мад.

– Ну, знаешь, это не так страшно, как ты называла Алису.

Я прыснула от смеха в ладошку. Прозвище Обжора Лиса сестра получила в день своего десятилетия. Помню, как собрались все ее подруги: они были в нарядах облаков, радуги, птиц и различных цветов – всего, что неподвластно воле Создателя и что является священным для нас. Но вот Алиса решила, что будет клубникой. Мама шила ее костюм по ночам, потому что на заказ от Творцов наряд очень дорого стоил. И в день праздника моей сестре не понравилось это платье, родители пытались поднять ей настроение тортом, который она и съела самостоятельно. И когда все подруги веселились и угощались вкусностями из нашего кафе, сестра где-то в углу стонала от боли в животе. За то, что мне не достался торт, она и получила свое прозвище.

– Я рада, что, пережив «лечение», ты еще можешь улыбаться, – погладила меня по волосам бабушка.

– Ты все еще хочешь, чтобы я помогала Флору?

Бабушка вздохнула:

– Нет, Мадди, больше я не буду на тебя давить. Как бы мне ни хотелось твоей помощи, я скажу тебе, что ты должна сама решить. И я приму твой выбор.

Мы с бабушкой успели обменяться понимающими взглядами, как в блок вернулись девушки. Бабушка рассеялась, улыбнувшись мне напоследок.

Эта теплая встреча разливалась бальзамом по венам и моему настроению. И я решила, что пора бы наведаться за восьмую дверь. Мы переглянулись с Розы, которая села рядом со

мной на подоконник. Что я за подруга, я ведь так и не рассказала ей про призраков. Но хотелось это сделать наедине. Поэтому я предложила Розе прогуляться до свободного зала, чтобы ни у кого не вызвать любопытства.

Когда я повела Розу в сторону северного крыла, подруга не выдержала:

– Есть хотя бы одна причина, почему мы туда идем? – прошептала она.

– Я все расскажу, когда мы туда придем.

– А что там будет?

– Не знаю. – Роза покосилась на меня и прошептала что-то вроде:

– Куда делась настоящая Мадлиф?

Мы проскользнули в северное крыло незамеченными, и темнота приняла нас в свои объятия. Я тщательно считала двери и замерла напротив восьмой. Сжала руку Розы, сделала глубокий вдох и повернула ручку.

Дверь поддалась.

– Мад, ты уверена? – беспокоилась подруга.

Вместо ответа я открыла дверь и потянула подругу за собой. Я ожидала попасть в библиотеку, в которой найду секретные книги о Школе или, в крайнем случае, кабинет Флора, раз он так туманно связан со всем, что здесь происходит. Но мы попали в пустой зал. Свет из окна подсвечивал много темных прямоугольников в обрамлении, висевших на стенах.

Мягкие световые шары зажглись над каждым прямоугольником, и мы увидели картины. Нет, не совсем. Это было гораздо большим, чем просто картины, которыми забавлялись подруги... Мурашки побежали по всему телу от осознания, что это были изображения пейзажей.

– Мад... – я чувствовала, как и Роза дрожит от страха и восторга.

– Мне сказали, что здесь скрывается правда о прошлом.

– Это прошлое невыразимо прекрасно, – шептала Роза, оглядывая одну картину за другой. Это были шедевры – живописные (я вспомнила слово Саиролфа), созданные неизвестными нам материалами.

На одной картине был изображен лес, где солнечные лучи пробивались через ветки. На другой мы увидели горы вдалеке и долину с цветами ближе к нам, а между ними озеро. Возле третьей мы стояли дольше. Густой розовый закат отражался в море.

– Такие закаты у меня дома, Роза... Это так похоже.

– Как ты думаешь, зачем они прячут эти картины? В прошлом Творцы повторяли пейзажи?

– Может быть, раньше картины были в почете? Смотри, эти ведь все в рамах висят.

– Так странно. Вдруг узнаешь, что раньше мир был не таким, как сейчас.

Мы обошли весь зал с пейзажами и прошли в арку. Здесь тоже зажглись световые шары и подсветили картины с жи-

вотными и птицами.

— Мад, они даже животных раньше рисовали! — ахнула Роза.

С каждым новым открытием мне становилось все грустнее и грустнее. Нам запретили доступ к прекрасным работам. Нас лишили истории, о которой мы даже ничего не подозревали. Нас загнали в рамки правил и запретов, пока мир оставался таким прекрасным. Я сжала свою игрушку в кармане. Теперь она стала символом моего сопротивления! Что еще скрывает Школа?

Пока Роза рассматривала кошку, которая грелась на траве, я вернулась в зал с пейзажами. Маковое поле особенно манило меня. Возможно, это ностальгия по шкатулке, которую у меня забрали. Но мне так хотелось погрузиться в атмосферу картины, впитать солнце, ветер, запах, цвет, что я неосознанно приблизилась к ней — почти уткнулась носом — и стала рассматривать каждый мазок. Краски даже пахли землей и травами. А мое дыхание будто стало дыханием ветра, от которого трепетали цветы. И внезапно шрам мягко запульсировал, а поле ожило перед глазами, и я успела только вскрикнуть от неожиданности.

-25-

Было жарко: летний влажный день ослепил меня приветливыми лучами. Маки шелестели на ветру. Самые настоящие маки, не нарисованные! Их ласковый трепет был му-

зыкой самой природы. Вокруг меня распростерлось поле, и не было ни намека на Школу. Что, Муза объясни, происходит? Мимолетная радость сменилась недоумением, затем страхом: как мне выбраться из картины? То, что я попала внутрь чьей-то работы, было очевидно. Я чувствовала, как погружаюсь туда. И раз есть вход, то должен быть и выход, верно?

У картины должен быть край. Эта простая мысль зажглась еще ярче маков. Значит, нужно перейти поле. Но где его конец? Мимо меня пролетело-прожужжало нечто, напомнившее слепня, я кинулась в сторону, побежала куда глаза глядят от этого чудища. Чем быстрее бежать, тем быстрее я найду выход из картины! А потому я не жалела сил: маки мялись под ногами, пот выступил на лбу и спине, ветер развеивал волосы и запутывал их так, как умеет только ветер. Вместе со мной в небо взмывали все букашки, притаившиеся среди цветов и трав. Пришлось убегать и от них, а край поля все не показывался. И тогда я, совсем обессиленная, рухнула на землю, носом уткнулась в цветы и расхохоталась.

Побег из Школы! Теперь мне нужно вечность скитаться по полю и никуда отсюда не уходить! Не так я представляла взрослую жизнь, если вместо подруг теперь будут одни букашки. Пытаясь отдышаться, я уставилась на облака. Воздушные, красивые...

– Я очень надеялся встретить тебя здесь, Мадлиф, – рядом со мной опустился на землю Флор. Вот так неожиданное

появление! Солнце нисколько его не просвечивало, и призрак казался настоящим. Я села, одновременно обрадованная его появлением и озадаченная. Некоторые догадки ускорили сердцебиение.

– Это твоя картина, верно?

Он кивнул. Казалось, он ждал продолжения вопросов, во всяком случае выглядел дружелюбно и мой вопрос его не смутил.

– Ты... не просто Королевский Творец. Кто ты такой, Флор?

Ветер натурально ворошил его волосы. И если от бабушки так и веяло призрачной сущностью, то Флор казался потрясающе живым. Я поняла, что он был наполнен коричневым пигментом в разных оттенках. И никакого сияния кожи.

– Я Создатель, Мад, – наконец признался он. – Старший брат Саиролфа.

Музы меня задери... Еще один Создатель... Я шумно втянула воздух и спешно щелкнула челюстями, лишь бы убрать глупое выражение с лица. Подумать только! У Саира был брат, который...

– Это ты создавал те картины с пейзажами? – выпалила свою догадку я.

– Я создавал мир, – улыбнулся он. – Все живое придумано мною. Все места Амфиона, цветы, птицы...

Я наблюдала, как шмель опустился на его темные волосы. Это его нисколько не пугало!

– Значит, после убийства Саир сделал все возможное, чтобы... – я не договорила. Все и так было понятно. Память о старшем брате стерлась из наших учебников. А его магия оказалась под запретом. Кажется, я еще сильнее возненавидела Саира. – Я думала, что Создатель бессмертен.

– Оказалось, нет. Нас с тобой объединяют шрамы на сердце, нанесенные по воле Саира.

Мы молча сидели, переживали сказанное, старались любоваться пейзажем, но получалось не очень. Как много вопросов еще нужно было задать!

– Я не знала, что Школа может хранить такие секреты.

– Школа хранит гораздо больше, и со временем ты эти секреты узнаешь.

– Почему я?

– Потому что ты только что оживила этот мир, Мад. Пусть и попала при этом в картину, а не наоборот, – его слова пролились дождем на мою потрескавшуюся душу. – Уверен, что твоя подруга до сих пор стоит перед картиной и пытается к тебе пробиться.

– Роза! Мы как-то можем вернуться? Она наверняка волнуется! – мне стало стыдно перед подругой за свой блаженный отдых здесь.

– Разреши вернуть тебя в твой мир.

Я вложила руку в его, Флор сделал просто шаг и подхватил меня, как бабочку, выпорхнувшую из другого мира. Роза смотрела на нас с раскрытым ртом.

– Сначала ты исчезаешь и появляешься на этой картине, потом туда врывается он, – подруга кинулась меня обнимать.

– Рози, я сама не знала о таких фокусах. Прости.

– Ладно, ладно. Я совсем чуть-чуть испугалась. Этот кра-савчик пообещал мне вернуть тебя, – теперь она хитро огля-дела нас с Флором. – А меня никто не захотел пригласить в картину? Вам там и вдвоем прекрасно было, да? – Рози вздернула бровь, но ее намеки лишь развеселили меня.

– Рози, это Флор, он призрак, – и я наконец рассказала подруге обо всем, что случилось со вчерашнего дня.

-26-

Мы выходили из галереи – это слово я узнала от Флора – далеко за полночь. Рози чуть ли не искрилась от моего рас-сказа, ведь Флор ее сразу покори́л своими манерами! Быту-ет мнение, что художники не спят по ночам, продолжая тво-рить или хотя бы ждать Муз. В чем-то они правы: нам с Ро-зи хотелось ввалиться в свободный зал, схватить всю сухую пастель сразу и возить, возить, возить ею по огромным по-лотнам бумаги, пока не испишутся все мелки и не получится нечто сложное и непонятное. Этим сложным и непонятным была наша Школа и весь мир, погрязший в интригах Саира.

Мир, который задыхался от его власти.

Флор говорил правду: во мне действительно таилась сила и желание творить. Этого у меня никто не отнял, но именно мне нужно было найти их внутри себя. Когда Рози слушала

мой рассказ с короткими комментариями Флора, я замечала в ее глазах загорающуюся поддержку.

– Мад, ты способна перевернуть этот мир, – и я поверила ей.

Мы прокрались в наш блок, переглянулись с Кассией, которая продолжала что-то рисовать, и легли. Шрам мягко пульсировал, но больше не горел. Я засыпала с мыслью, что Гая не сломила меня. А вернуться к рисованию, имея цель, теперь было проще.

По воскресеньям мы всегда старались спать как можно дольше. Но не в этот раз. Кассия, у которой каким-то образом было энергии на десятерых, скакала по блоку и щекотала всех за ноги.

– Пора, пора! Нас ждут важные дела!

Мы с ворчанием вылезали из-под одеяла.

– Каааас, умолкни! – даже Алекса проснулась с помятым лицом. На тумбочке у ее кровати всегда стояло зеркало, его-то она и хватала первым делом. – Недосып меня не красит! – вынесла себе вердикт.

– Даже Музы не идеальны, Алекс, – похлопала ее по плечу Кассия.

– Я же просила не сокращать моя имя.

– Считай, что я тоже, – она легко взлохматила волосы Алексы и метнулась в душевую.

Мы знали, что ярмарка начнется в девять утра, а до этого еще нужно было найти место и разложить работы. Нам пред-

стояли быстрые сборы! Стихийно забежав в главный зал, мы съели по тарелке наваристой овсяной каши с клубничным джемом, согрели себя ягодным киселем и так же стремительно захватили свои работы из блока. Наша шумная компания бурлила от предвкушения.

Город был таким же сонным, как и студенты за завтраком. Мы – пробегавшие девушки в черных плащах – притягивали слишком много внимания. Кто-то зевал на балконе, да так и замер при виде бодрой компании. Кто-то поливал цветы, кто-то возвращался со свежим хлебом из лавки, кто-то читал на свежем воздухе, кто-то шел по своим делам – мы пронесли мимо них, как весенний ветер.

– Сюда, – махнула Кассия, и за очередным поворотом выросла широкая улица, вдоль которой с обеих сторон росли платаны и свивались ветками наверху, образуя живую арку. Мы с Розы ахнули, потому что увидели все впервые.

Прямо под деревьями художники разных возрастов расставляли низкие столики и выкладывали свои работы. Я заметила, что многие просто клали сверху камень, чтобы рисунки не разлетелись от ветра, но у кого-то работы были оформлены в простые деревянные рамы. Кто-то украсил свой стол тканью и сорванными ромашками, а кто-то разложил свои работы прямо на мощенной булыжником улице.

Мы прошли мимо десятка художников и нашли свободное место. Кассия захватила простынь из блока и не побоялась расстелить ее.

— Для первого раза и так сойдет. — девушки закивали. Каждая выкладывала свои работы, пока Кассия продолжала инструктировать, — у картин останется пара человек. Остальные будут стоять с двух сторон и караулить профессоров. Как увидите — бегите сюда. Мы хватаем свои работы и драпаем. Поняли?

Мы поняли. Все знали, что это запрещено. Все шли на этот риск ради свободы творчества.

— Теперь о ценах. Кто сколько ставит за свою работу?

— Может, пары медяков достаточно для начала? — спросила Кайли.

— Пары мало, у нас цветными карандашами нарисованы работы.

— По пять? — предложила Алекса. — На первый раз, мы же новички.

— Идет. Ну, чтобы у нас все скупили! — захлопала в ладоши довольная Кассия.

Мы с Рози пошли патрулировать дальнюю часть улицы. Лора и Кайли повернули в ту сторону, откуда мы пришли. Алекса и Кассия остались у работ, а Хелена и Сюзи растворились в толпе прохожих. Своими черными плащами мы почти не привлекали внимания: многие жители тоже выбирали этот практичный цвет.

Мне было интересно рассматривать картины других художников, пока Рози озиралась по сторонам. Кто-то смело рисовал цветы и фрукты в вазах: возле таких работ я зави-

сала на мгновение, пытаясь переложить новые знания о прошлом Амфиона на нашу действительность. До сих пор такие работы вызывали трепет запрещенного. Но сейчас я поняла, что таким мог бы быть наш день – полным рисования цветов, фруктов и всего, что заблагорассудится. Без запретов! Роза заметила мои метания и отвела в сторону от очередной картины.

– Мне кажется, мы к этому нескоро привыкнем, – шепнула она.

– Знаешь, какой вопрос меня не покидает? – поблизости не мелькал ни один профессор, но мы все равно продолжали озирааться.

– Как сработало дыхание жизни?

– Почти... То, что оно сработало, меня не так удивило. Помнишь, со шкатулкой я что-то подобное проделала? Меня больше волнует, *почему* оно сработало на пейзаже.

– Флор что-то не договаривает? – подхватила Роза.

Я пожала плечами:

– А ты дышала на картину?

– Мад, не глупи. Может, я и дышала на нее, но я не уверена, что это было именно дыхание жизни.

– Ну, конечно! Об этом я не подумала. Значит, и у тебя все получится! Скоро нас научат этому.

Мы провели на ярмарке меньше часа, когда перед нами расступились несколько человек, и среди прохожих внезапно мелькнуло лицо профессора Шнеля. Шрам съежился от

страха.

– Рози...

– Бежим.

Нас разделяла пара десятков метров, пока профессор взглядом ценителя ходил и осматривал работы, не замечая своих студенток. По нашим бешеным глазам девочки быстро поняли, что пора собирать работы. Не разбирая где чьи, мы сложили все в общую стопку. К этому времени подбежали Хелена и Сюзи:

– Два профессора второго курса здесь.

Кассия уже свернула свою простынь и прятала ее под плащом. Рози тоже спрятала работы под плащом.

– Нам нужно разделиться.

Я схватила Рози и повернула ее к работам соседнего художника, делая вид, что мы просто гуляем. Оставалась надежда, что подруги благополучно скроются в толпе. Сердце готово было выпрыгнуть из горла, но мы старались в темпе зрителя передвигаться от одного стола к другому в сторону выхода. И пока справлялись неплохо...

– О, юные девы! Что вас привело на стихийную ярмарку? – раздался голос профессора Шнеля за нашими спинами. Пришлось поприветствовать его и мило улыбнуться.

– Любуемся другими работами, профессор, – Рози держалась к нему полубоком, стараясь не выдать стопку бумаги на животе под плащом. Она осторожно прижимала их левым локтем, чтобы ничего не выпадало и не хрустело. А правую

согнула в отвлекающем жесте. И весь диалог пришлось поддерживать мне.

– Любуетесь или сами что-то решили продать?

– Нет, профессор, мы знаем о наказании, – а уж с его последствиями мне пришлось познакомиться очень близко. Шрам покалывал. Что-то новенькое.

Профессор подозрительно оглядел нас и решил перевести тему:

– Что вы думаете об этой утонченной работе? – он указал на умиротворяющую картину в теплых тонах: книжный шкаф и кресло у окна. На кресле лежала открытая книга, а на окне стояли три горшка с цветами. Нужно было ответить что-то, что успокоило бы профессора, только вот что...

– Шкаф хорошо прорисован, профессор. А с кресла лучше убрать книгу и накидку. Из-за лучей от окна оба объекта кажутся размытыми в пыли и времени. Работа непригодна для оживления, – отчеканила я.

Казалось, ответ его удовлетворил, чего нельзя было сказать о художнике (мужчине в потрепанном плаще и в желтой вязаной шапке с пятнами: он очень гармонировал со своей пыльной и состаренной картиной), чью работу я так сурово раскритиковала. Роза послала ему извинительную улыбку. Профессор заулыбался и пожелал нам приятной прогулки. Чтобы не вызывать его подозрений, мы продолжили ходить среди художников, останавливаясь у некоторых картин, и только поравнявшись с последним столом, вздохнули спо-

койно. Повяло булочками с корицей из пекарни.

Кажется, поход на ярмарку удался!

-27-

– Что-нибудь продали? – начали с самого главного, когда мы с Розы самыми последними добрались до блока. Всем не терпелось услышать, что предприимчивость Кассии обернулась еще и денежной удачей.

Рози, извиняясь, выложила чуть помятые работы на стол, все принялись искать в стопке свои. А Кассия тем временем достала десять медяков.

– Две проданных работы, красотки! Угадайте, чьи?

Мы взорвались радостными криками. Сам факт, что какие-то наспех созданные рисунки могли купить незнакомые люди, поражал и удивлял! Мне не важно было, кому достанутся деньги, я была готова радоваться за любую из своих подруг.

– Мои?

– Нет, мои!

– Кассия, не томи!

Пять монет она протянула Кайли, а вторые пять – Розы.

– Поздравляю!

– Ух ты! – Розы светилась от счастья. Она перебрала свои работы, пытаясь понять, что продалось.

– Лес, – улыбнулась я. Теперь он будет украшать чей-то дом. Я убеждала себя, что мне не жалко было расставаться с

этой картиной, ведь она мне и не принадлежала никогда. Но просто смотреть на нее было приятно. В этом я себе могла признаться.

– Какой лес? Я ничего такого не рисовала.

– Твои зеленые волны напомнили мне о лесе, в котором...

– я замолчала. Девочки замерли.

– Который ты вчера упоминала, – продолжила Алекса.

– Да, – я кивнула. – Кажется, я готова рассказать вам кое-что. Но... – Роза сжала мою руку. – Я знаю, вы можете считать меня сумасшедшей. После всего, что произошло, после моих идей...

– Мад, не тяни. Если этот рассказ такой же безумный, как и идея со шкатулкой и вашими щеточками, – кивнула на нас Алекса, – то мы готовы тебя послушать.

Лара закатила глаза. Наверное, этот жест меня и приободрил: мои такие разные подруги! Они даже не представляли, как все вместе звучат голосами разума и сердца во мне.

– Все, что я сейчас расскажу, разрушит вашу любовь к Школе и Создателю. Если вы не готовы...

– Это угрожает нашим жизням? – уточнила Лара. В ответ я лишь пожала плечами.

– Хоть мои родители большие почитатели Создателя, он уже не кажется мне настолько заслуживающим их любви, – надула губки Алекса. Мои мысли насчет ее обеспеченной жизни и высокого положения нашли подтверждение.

Кассия скривилась:

– Меня уже ничем не удивишь. Одним говнюком больше, одним меньше в этом мире, подумаешь! – она, как нахохлившийся птенец, сидела на спинке дивана, готовая заклевать любого.

Я вздохнула и рассказала им все на одном дыхании. От информации о могилах в лесу Кайли охнула. Кассию повергла в шок правда о выгоревших Творцах, которые стали призраками. Лара заинтересовалась их обрядом и силе трав. Алекса расспрашивала меня о внешности Флора. А когда я рассказала о нашем с Розы посещении галереи, многие сразу же захотели туда заглянуть.

– Не знаю, можно ли, – засомневалась я.

– Мад, мы поддержали тебя на смотрах. Если и после этого ты нам не доверяешь... – закапризничала Алекса.

– Это не ее тайна, – вступилась за меня Лара. – Но мне и правда хочется увидеть все своими глазами.

– Вы же понимаете, чем рискуете? – я потянулась к своему шраму. Девочки поежились, но приняли риск.

– Хорошо, тогда идем по двое.

В коридоре было многолюдно: отдыхающие студенты ходили компанией и парочками, мы точно так же объединились и добрались до северного крыла. Я считала двери: смешавшись с тенями, белые двери стали темно-серыми и почти неразличимыми в темноте коридора. Мы шли, взявшись за руки, чтобы не потеряться. Интересно, почему световые шары не залетали сюда? Когда все добрались до восьмой двери,

я открыла ее и потянула остальных.

Но зал, в который мы попали, не был галереей. Я растерянно замерла на пороге.

– А мы не ошиблись дверью? – уточнила Алекса.

Помещение казалось заброшенным складом: вдоль стен от пола до потолка тянулись полки. Пахло пылью и чем-то вязким. Когда я неуверенно прошла вглубь комнаты и встала у одной из полок, над ней зажегся световой шар, прямо как тогда в галерее.

– Девочки... вам нужно это увидеть.

На полках лежали в ряд щеточки, по сравнению с которыми мои казались самодельными и кривыми! Они лежали на бархатной подушке и тянулись от самой миниатюрной к самой могучей. Я потрогала их. Какая-то твердая щетина. Я потрогала щеточки на другой полке: они оказались мягкими, будто были тоже сделаны из волос, как мои.

– Значит, ты не единственная в мире сумасшедшая, – ухмыльнулась Кассия. Она провела мягкой щеточкой по руке и вздохнула от удовольствия.

– Мад, посмотри, это действительно красители? – Лора протягивала мне баночку, внутри которой плескалась зеленая жидкость.

– Похоже на то.

Я осмотрела другие полки: красители в тубиках, кюветках, баночках маленьких, средних и больших. Все это было разных цветов и оттенков. Голова закружилась от мысли, что

когда-то этим рисовали. Девочки тоже ходили вдоль стеллажей с немym восторгом.

– Мад, это даже лучше галереи. Представь, что мы можем сюда приходить и экспериментировать с разными материалами! – выдохнула Алекса.

– Ф-фу, ну и запах, – поежилась Кассия, которая уже успела открыть одну из баночек. В ней было что-то полупрозрачное и маслянистое на вид. – Нет, Алекса, долго мы тут не сможем творить. Понюхайте.

От резкого запаха у Кайли закружилась голова, и Ларе пришлось ее подхватить.

– Тут написано «Разбавитель», – прочитала Кассия и поставила баночку на место. Как будто это о чем-то должно нам говорить.

– Смотрите, здесь есть проход, – раздался голос Розы.

Мы аккуратно переставили стопку рам, на которые были натянуты тканевые отрезy. Каждый был практически с нас ростом, а некоторые даже выше. Но они оказались легкими. Честь пройти первой в следующее помещение доверили мне. Это была просторная мастерская, похожая на наш свободный зал. Вдоль стен здесь были сложены готовые работы. И, наконец, подружки смогли увидеть пейзажи и животных, о которых мы с Розы так восхищенно рассказывали.

К этому времени я догадалась, что мы нашли место, где работал Флор. Его вдохновение будто клубилось в воздухе, его энергетика и творческая сила пробирали до мура-

шек. Находиться здесь без него было каким-то очень интимным жестом. Я надеялась, что он не будет сердиться на меня. Оставив подруг разглядывать десятки работ, я дошла до мольберта, который стоял у окна.

Здесь ждала своего автора незаконченная картина. Но не изображенный на ней лес поверг меня в шок, а кровавое пятно и смазанный след кисти, который оставил Флор, умирая. Шрам прожег меня с новой силой, и полная картина убийства раскрылась перед глазами. Удар в спину длинным карандашом с заостренным концом. Как подло!

Флор упал к моим ногам, я вскрикнула, отскочила и вернулась в настоящее. Видение исчезло.

Шрам разорвал грудную клетку пополам. Я упала на пол, испугав подруг. Розы и Лара кинулись ко мне.

– Не подходите к мольберту!

– Муза, да что не так с этой Школой? – выругалась Кассия, увидев кровавый след на нем.

– Я каким-то образом увидела сцену из прошлого. Убийство Флора.

– Ты видела убийцу? – Лара помогла мне встать и махнула всем в сторону выхода.

– Нет, но... Флор говорил, что это Саир.

– Я бы не верила этим двоим так слепо, – нахмурилась Лара.

– Редко бываю с тобой согласна, но я тоже, – добавила Кассия.

Мне бы и хотелось провести побольше времени в мастерской, хранившей столько сокровищ, но подруги вели меня к выходу. Может, оно и к лучшему. Неизвестно, во что бы мы превратили это пространство, если бы они начали рисовать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.